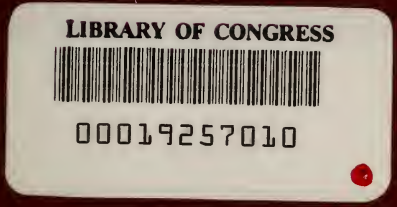
PG 3337
.L85 P5



THE LIBRARY OF CONGRESS

Князю Петру Алек
от Преданного Сму
Скимнина.

25 Декабря 18

Lvov, Fedor Petrovich

ПИСЬМА СКИМНИНА.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

при Императорской Академіи Наукъ 1813 года.

PG3337
L85P5

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ продажу представлено было въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія: два экземпляра для ИМПЕРАТОРСКОЙ публичной Библіотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ, С. П. бургъ Марта 24 дня 1813 года.

Цензоръ Гр. Яценковъ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Нѣкоторыя изъ сихъ писемъ отрывками читаны въ Бесѣдѣ Любителей Русскаго Слова, и по счастію сочинителя благосклонно приняты были. Благосклонность ободряетъ духъ. Нынѣ издается полное собраніе сихъ писемъ.

Онѣ писаны давно. Въ нихъ безъ сомнѣнія найдутся неисправности, молодому человѣку свойственныя; но Сочинитель, будучи по лѣтамъ своимъ не тѣми уже игрушками занятъ, какими занимался прежде, не счелъ нужнымъ исправлять ихъ по тому, чтобы личиною холоднаго благоразумія не изнобить черты молодости, которая и въ самой рѣзвости своей привлекательна и завидна.

По симъ причинамъ издатель рѣшился ввести Скимнина *въ свѣтъ со всѣми его недостатками. Онъ молодъ, неопытенъ, но съ сердцемъ, живыми чувствами нали-*

таннымъ. Просвѣщенные люди можетъ быть ему посмѣются, свѣтскіе его презрятъ, — но добрые люди конечно его не оставятъ, а онъ непримѣтно привьется къ сердцу тѣхъ, которые знаютъ любви прямую цѣну. — Тутъ исполнится не только цѣль его, но и предметъ всей его жизни.

ДРУГУ МОЕМУ.

Оживленное тобою сердце, тебѣ же посвящаетъ лучшую часть существа своего. Ты, мой другъ, воскресила въ немъ чувствованія, тебѣ они и принадлежатъ. — Пусть мои письма, сердцемъ однимъ составленныя, останутся у тебя памятникомъ того, которому ты живущее въ прислугѣ твоей родовое щастіе силою крѣпостнаго акта подарила въ вѣчное владѣніе.

Вспомни ты, какъ смерть змѣёю
Прямо въ домъ мой приползла,
Въ сердце бросилась стрѣлою,
Гдѣ душа моя жила!
Свѣтъ очей красы затмился!
Замерла любовь въ устахъ!
Домъ въ могилу превратился!
Смерть казалась на стѣнахъ!
Дѣти, какъ птенцы безкрылы,
Тщетный издавали стонъ!
Ночь и день мнѣ говорили:
Гдѣ твой другъ? — скажи, гдѣ онъ?
Тутъ какъ Ангелъ ты прекрасный
Въ домъ печали снизошла!
Собрала сиротъ нещастныхъ
И сквозь слезы ихъ сочла!
Дѣти рѣчь твою ловили,
Въ взорахъ — радость нѣжныхъ лѣтъ!
Въ сердцѣ — жизнь ихъ находили,
Въ разумѣ твоемъ — ихъ свѣтъ!

Ты сочла ихъ, — и волшебно
Удалилась грусть отъ насъ!
Усмѣхнулась — и мгновенно
Падшій въ домѣ громъ погасъ!
Мнѣ ты душу вновь вложила!
Сердце стало биться вновь!
Взглядомъ въ щастье превратила
Плачущу при мнѣ любовь! —
Съ твоего вѣнца златаго
Свѣтъ мнѣ путь мой указалъ!
О какая мнѣ обнова, —
Я опять любить всѣ сталъ!
Такъ предъ черною грозою
Вихрь взвиваетъ прахъ столбомъ!
Солнце тмитъ, лѣсъ рветъ грядою,
Съ трескомъ молній слышенъ громъ!
Свистъ и вой, — стада смиренны
Въ лѣсъ скрываются съ полей!
Рушатся жилища бренны!
Закипѣлъ хребетъ зыбей! —
Громъ идетъ! — Ударъ къ ударамъ!
Всѣ дрожитъ подъ звукомъ ярымъ!
Гибнетъ міръ среди чудесъ!
Взглянетъ солнце! — Громъ изчезъ!
На поля опять златыя
Выдетъ смирныи сельскій трудъ,
И богатства полевыя
Всѣ къ ногамъ его падутъ!

Скимнинъ.

ПИСЬМА СКИМНИНА.

№ 1.

Съ дороги изъ Вологды, Октября 15.

Вотъ мой другъ я и уѣхалъ. — Воля твоя! — Ни что мнѣ такъ непротивно, какъ разлука! Ты мнѣ часто говаривалъ, что нельзя безпрерывно такъ жить какъ хочется; что дѣла, обстоятельства требуютъ иногда пожертвованій, которымъ мы удовлетворять обязаны непремѣнно; что жить для себя также не льзя; что себя слушаться не всегда должно... — Помню, всіо помню, что ты мнѣ говорилъ другъ сердечный. — Вотъ я себя и не послушался. По твоимъ убѣжденіямъ я войною пошелъ противъ самаго себя; поступилъ съ собою какъ съ злодѣемъ, — заковалъ и языкъ и сердце. Молчу, — меня везутъ — и я уже не съ вами!

Другъ мой! Ты знаешь всѣ сокровенности души моей, вычисляешь мои истинныя пользы, заботишся о моемъ щастьѣ; — скажи

мнѣ, почему я долженъ былъ разстаться съ вами? — Говори мнѣ обстоятельнѣе; я можетъ быть пойму тебя хотя нѣсколько. Жестокой человѣкъ! Зачѣмъ не велѣлъ ты мнѣ уѣхать прежде? . . . . .

Ты такъ устроилъ, чтобъ я писалъ Графинѣ. — Я буду писать. — Но о чемъ мнѣ писать ей? Могуль я ручаться, чтобъ . . . Нѣтъ, будь покоенъ; я надѣюсь. . . . . Разлука всіо преодолѣетъ, — часъ отъ часу я буду болѣе входить въ себя! Посторонніе и новые предметы на пути разсѣютъ мое вниманіе. Я буду къ ней писать — равнодушно, холодно; буду искать мыслей забавныхъ, — я буду дышать тѣмъ, что я по крайней мѣрѣ говорю съ нею.

Ты въ самомъ дѣлѣ хорошо вздумалъ, чтобы я иногда писалъ ей и стихами. Это меня развлечетъ, займетъ. — Но чѣмъ бы мнѣ такимъ заняться мой другъ, чтобы успокоило, утишило пламенные порывы и воображенія и сердца? — Пиши ко мнѣ ради Бога, а то . . . . . не чѣмъ мнѣ жить будетъ!

Давно я хотѣлъ къ тебѣ писать, — да какъ нарочно проѣзжалъ я города ночью, и

только тѣмъ довольствовался, что спрашивалъ во всякомъ городѣ, гдѣ почтовой дворъ?

Съ самаго моего отъѣзда я безпрестанно считаю дни; а съ вами я не помнилъ ихъ и названія. Теперь они кажутся мнѣ годами, — а тогда такъ они летѣли! У васъ въ Малороссіи еще тепло; въ Архангельскѣ теперь я думаю ужъ зима! — Каково то мнѣ будетъ въ Архангельскѣ? Прости мой милой.

Почтмейстеръ здѣсь такой доброй старикъ! — Онъ мнѣ сказалъ, что ему не льзя забыть послать письмо мое, потому что онъ отъ меня получилъ казенныя вѣсовыя — деньги! — Прости, — я ѣду, — какая ночь темная!

Куда дѣвалась моя философія? Куда дѣвалось удовольствіе въ размышленіяхъ? Гдѣ я? — Бывало какъ увижу, что въ праздничный день въ деревнѣ соберутся добрые люди и на лавкахъ передъ избою, иные сидятъ, другіе поютъ, иные рѣзвятся, играютъ, — какъ я утѣшался смотря на ихъ благополучіе! Нынѣ ѣду мимо, ничего не слышу, не вижу; а когда остановлюсь — бѣгу отъ веселья какъ

отъ чумы. Тоска во мнѣ ростетъ! — Услышу пѣсню? — Сердце забьется, глаза наполнятся слезами! — Нѣтъ, мой другъ! Мнѣ лучше, мнѣ покойнѣе, когда воетъ рѣзкой вѣтръ! и рубитъ меня косой дождь, а я гдѣ нибудь одинъ сижу подъ деревомъ съ дубинкой— и ничего, кромѣ листьевъ, не слышу!

№ 2.

Съ дороги изъ Каргополя, Октября 24 го.

Человѣкъ занятой предметомъ посторонним не видитъ, не чувствуетъ что его окружаетъ. — Чудное дѣло! — Онъ даже теченія времени не примѣтитъ! — Я иногда верстъ 20 ть проѣду, а мнѣ кажется я проѣхалъ 3; иногда проѣду 3, а мнѣ кажется 20.

Ѣду по дурной дорогѣ, — темно, холодно, а безпрестанно между вами. — Я часто бываю на горкѣ подъ той самой грушей, гдѣ Графиня обыкновенно разливаетъ чай! Я вижу ее въ бѣломъ платьѣ, мягкіе ея волосы перевязаны по головѣ голубой лентой, полосатая ея шаль подлѣ нее раскинута, — вечеръ такой теплой! — Солнце на закатѣ, рабочій народъ ѣдетъ домой съ поля, на берегу рѣки подъ горою гонится стадо! — Она съ привѣтливой улыбкой подаетъ мнѣ налитую чашку! Съ такою милою заботливостію хлопочетъ, чтобъ чай для меня не былъ крѣпокъ! — Разсказываетъ, что она читала. — Неподалеку отъ ней стоятъ крестъ-

янскіе мальчики и дѣвочки, которыхъ она награждаетъ по заслугамъ, навѣдывается о больныхъ! — Какой я сумазбродной! Чѣмъ я тебя занимаю! — Какая мечта! — Я отъ васъ такъ далеко! — Отъ чего мнѣ ни съ кѣмъ говорить не хочется? Иногда не хочется и къ тебѣ писать мой сердечный! — Къ тебѣ писать не хочется!

Я всіо думаю объ чемъ мнѣ писать Графинѣ! Признайся другъ мой, — очень трудно говорить, кто сердечнаго чувства объяснять не долженъ! Такой человѣкъ подобенъ тому, который въ темнотѣ на 10 ти шагахъ сдѣлаетъ 50 ощупью, чтобъ только не удариться гдѣ головою.

Когда кто испугаетъ птичку и сгонитъ ее съ дерева, гдѣ она быть привыкла, она летаетъ около него безпрестанно — и не знаетъ покою! Быть такъ! — и я буду бродить, какъ человѣкъ во тьмѣ ищущій свѣта. Коли не суждено мнѣ отдохнуть у любимаго дерева, — я около него скитаться стану!

Меня занимаетъ иногда и то, что Графиня была за мужемъ по расчету семейному, — вышла она молода, — не знала и не знаетъ,

что такое любить. Блаженъ, кто!..... Но что я говорю? У всякаго ли разцвѣтетъ цвѣтокъ, который ему достался? — Прости мнѣ мой другъ, — я самъ не знаю что пишу! Лошади готовы.

№ 3.

Изъ Архангельска, Ноября 3го.

И ты уже успѣлъ встрѣтить меня здѣсь письмомъ твоимъ? Сердечный мой! Какой ты доброй человѣкъ! — Я какъ будто ожилъ! — и вы всѣ здоровы, — и иногда обо мнѣ говорите? Думаете о моемъ возвращеніи! — О возвращеніи моемъ думаете, а я только что разстался съ вами. — Слава Богу, что вы здоровы.

Я пріѣхалъ вчера ночью. Чудное дѣло! ничего я не усталъ! не спалъ — и того не чувствую; твое письмо какъ невидимая рука сняла съ меня какую-то тяжесть. Ахъ мой другъ, какъ мнѣ тяжело было! Какая грусть ѣдкая! Письмо твое меня утѣшило, — я кажется сталъ совсѣмъ иной! Мой другъ, пиши ко мнѣ чаще; я себя чувствовать началъ.

Ты справедливъ! — и въ самомъ дѣлѣ! — можно ли каждой встрѣчѣ повиноваться? какъ тамъ пить, гдѣ нѣтъ воды? Гдѣ достоинство зданія, когда колеблетъ его вѣтръ? Ты справедливъ! Я изъ твоихъ дружескихъ на-

ставленій ни на черту не выду. Всіо бы лучше, коли бы я ранѣе..... Но что объ этомъ говорить!

Я былъ у всѣхъ по дѣламъ моимъ. Боже мой, какъ дѣльные люди и глухи и нѣмы! Какіе они холодные! — Нѣтъ, не люблю я по дѣламъ таскаться! Особливо я не терплю такихъ дѣлъ, гдѣ одни копейки погоняютъ и судей и просителей! Въ дѣлахъ вообще — въ исканіяхъ людскихъ и въ самомъ покровительствѣ ихъ видны такія мѣлкія, такія подлыя страсти!

Я нанялъ здѣсь двѣ горенки. — На что мнѣ больше? Въ нихъ часто умѣщается Богородское (*) со всемъ большимъ садомъ! — иногда наша комната! иногда та груша! .... Ахъ мой другъ! Я безпрестанно сражаюсь самъ съ собою — и безпрестанно уступаю непріятелю! — Какой я дурной воинъ! Твое письмо подлѣ меня, — я его безпрестанно перечитываю. Я сталъ право покойнѣе, — вы всѣ здоровы. — Впрочемъ что меня заставляетъ такъ строго смотрѣть за собою?

(*) Деревня Графини.

Развѣ не льзя почитать и любить человѣка, и чувствовать собственное бытіе свое?

Теперь я примусь устроивать домашнія дѣла мои — и знаешь ли какъ? — Подлѣ маленькаго дивана, гдѣ я сплю, поставлю столикъ, на которомъ положу двѣ записныя книжки: въ одной будутъ лежать твои письма, — въ другой письма милой нашей Графини, (буде вздумается ей о сумазбродномъ вспомнить); подлѣ этихъ двухъ книжекъ положу я чорныя мои письма къ вамъ; — и это будетъ тотъ міръ, въ которомъ я дышать стану; въ предѣлахъ его буду я или Царь, или рабъ! — или духъ мой взовьется къ селеніямъ небеснымъ, или въ подземной мрачности, въ глубокомъ унынiи онъ потонетъ!

Я гораздо покойнѣе! — Завтра примусь писать Графинѣ. — Я кажется здоровъ, и хотя чувствую, что я не совсѣмъ весь по сердцу, но это иногда и кажется. Человѣку, ночью идущему, часто встрѣчаются привидѣнія!

№ 4.

Ноября 7го.

Вы приказали мнѣ Графиня: — я повинуюсь. Съ вашими повелѣніями мое удовольствіе неразлучно; но прежде всего позвольте мнѣ принести вамъ жалобу на судьбу мою. Какъ смѣетъ она такъ явно насмѣхаться надо мною? Всѣ мы знаемъ, что она заставляетъ иногда людей дурачиться въ разныхъ видахъ, да по крайней мѣрѣ всегда подъ какою нибудь пристойною наружностію; а тутъ, приди же ей въ голову во перьвыхъ: разлучить человѣка съ его искренними и послать въ такой край, гдѣ живутъ одни бѣлые медвѣди, тюлени и моржи, гдѣ травка не смѣетъ изъ земли показаться; а потомъ приказать—и чрезъ кого же? — чрезъ васъ приказать мнѣ искать по ледовитому краю, гдѣ въ цѣлыя полгода свѣту не увидишь, — чего же искать? — Парнасса! Мало этого: пиши я и прозой и стихами, и чтобы въ превосходномъ твореніи моемъ отличнымъ молодцомъ, первымъ Героемъ былъ кто же? — представьте себѣ Графиня! жестокой морозъ.

Сѣдой, косматый
И зубатый,
Который голосомъ отъ старости скрыпитъ,
И на землѣ, какъ бѣсъ крылатый,
Гоняется за всѣми, и щиплетъ и мертвитъ;
А самъ ни день, ни ночь не спитъ.
То, будучи укрытъ блестящей епанчою,
Онъ ходитъ по вершинамъ горъ;
То серебристою трухою
Онъ мечется въ глаза какъ соръ!

Судите сами Графиня, къ какомъ я положеніи! — Я съ вами разстался! Мнѣ иногда сгруснется; иногда я совсѣмъ не тамъ, гдѣ я. До того ли мнѣ, чтобы прибирать слова и приноравливать ихъ какъ одну жемчужину къ другой? Пусть бы заставили вы меня въ самомъ дѣлѣ прибирать и низать жемчугъ вашъ, — я бы сидѣлъ сиднемъ и зналъ свое дѣло; я бы зналъ по крайней мѣрѣ, что моя ниткa жемчужная когда нибудь украситъ побѣды ваши, и для чего же не такъ? Но тутъ я только что смѣшонъ буду! А естьли въ добромъ сердцѣ насмѣшки нѣтъ, естьли состраданіе составляетъ несомнѣнно его пищу, то каково же вамъ видѣть сумазброднаго, который не будучи живописцемъ принужденъ въ картинѣ представить сѣверъ?

Всякое слово любезнаго человѣка съ чувствомъ сказанное переливается въ сердце того,

кто его знаетъ цѣну. Вы часто мнѣ проговаривали, что вообще впечатлѣнія сильно на меня дѣйствуютъ. Я радовался, что вы замѣтили мою чувствительность; а теперь вы же мнѣ приказали заняться такъ, чтобы всіо во мнѣ замерло отъ холоду; чтобы и въ письмахъ моихъ была вѣчная зима, — словомъ: вы желаете, чтобъ я оледенѣлъ! Будьте же вы ко мнѣ милостивы, и судите сами:

Какъ за дѣло мнѣ приняться?
Можноль солнцу поклоняться
И бѣжать его лучей?
Это вовсе непонятно!
Не блаженъ ли тотъ стократно,
Кто живетъ средь красныхъ дней,
И конецъ пути къ покою
Довершаетъ безъ заботъ?
Воля ваша, щастливъ тотъ!
Кто вечернею порою,
Сидя у безмолвныхъ водъ,
Видитъ, какъ небесный сводъ
За угрюмою горою
Станетъ розовымъ шатромъ!
Какъ стада его грядою,
Полны сытнымъ молокомъ
Къ дому идутъ съ пастухомъ,
И на зелени златистой,
Гдѣ ручей катится чистой,
Пролагаютъ длинну тѣнь!

Вотъ какому щастію я завидую Сударыня. Нѣтъ! — Сдѣлайте милость, избавьте

меня отъ описанія зимы, — я ей врагъ непримиримый, — и до такой степени, что я не только зимы, но не люблю даже холоднаго свойства. По моему, человѣкъ съ холоднымъ сердцемъ чѣмъ умнѣе, тѣмъ опаснѣе. Пришлите мнѣ лучше изъ Малороссіи цвѣтовъ сушеныхъ. Глядя на нихъ, буду вспоминать, что я живалъ съ ними; только сдѣлайте мнѣ одолженіе, чтобы каждый цвѣтокъ былъ непремѣнно на особой страничкѣ. Такимъ образомъ весь видъ цвѣтка сохранится, кромѣ живости, которую пусть дополнитъ воображеніе. Вы меня понимаете. Инаго жметъ морозъ, а онъ сдѣлавши себѣ пріютъ подъ шубой, съ большимъ наслажденіемъ думаетъ о такой сторонѣ, гдѣ солнце Царь, а морозъ въ вѣчной ссылкѣ!

Простите Графиня! — Помните того, который васъ искренно почитаетъ. Часъ въ разлукѣ — годъ. Несносная мысль! — По крайней мѣрѣ не забудьте,

Что кто на Сѣверъ полетѣлъ,
Тотъ васъ любитъ и чтитъ умѣлъ.
Что вы когда съ зарею
Въ летучемъ платьицѣ, какъ снѣгъ,
Въ кружкѣ вiющихся утѣхъ
Съ живою въ кристалѣ водою
Идете въ гости къ цвѣтникамъ,
И тамъ

Какъ лѣтній день прелестный,
Какъ Ангелъ вѣчныя любви,
Дарите жизнь и щастье вы;
Я въ кибитчонкѣ низкой, тѣсной
На тощихъ клячахъ почтовыхъ
Въ грязи Октябрьской утопаю,
И тутъ, то жизнь я проклинаю,
То въ видѣ Солнца васъ встрѣчаю
Подъ тучами дождей косыхъ!

№ 5.

Ноября 15го.

Съ недѣлю кажется, или и больше, какъ я уже отправилъ письмо мое къ Графинѣ. Извини меня предъ нею другъ мой; — оно длинно. Но быть такъ, — я не могъ сжать ни мысли, ни сердца; за то теперь долго не буду писать къ ней. Я опасаюсь, что бреднями моими ей наскучу. Я опасаюсь, что и тебѣ наскучу; но ты будь ко мнѣ великодушенъ, — я такой бѣдной человѣкъ!

Признаюсь: я что-то собою недоволенъ. Всѣ я безпокоенъ, и отъ того безпрестанно чего-то я ищу. — Досадно очень, что нѣтъ у меня здѣсь любезнаго Богородскаго инструмента! Нѣсколько часовъ по крайней мѣрѣ въ сутки изчезли бы въ безмѣрномъ пространствѣ музыкальнаго міра! Я такъ люблю какъ струны отзываются біенію сердца! Біенію сердца отзывается предметъ неодушевленный! — А иногда человѣкъ чувствительный ка-

мнемъ другому кажется! — Кусокъ мрамору всякій звукъ отражающій!

Хлопоты по дѣламъ мнѣ досаждаютъ. Въ такихъ случаяхъ холодные люди обыкновенно приговариваютъ: *не принимай хлопотъ къ сердцу*. — Согласенъ. — Но можно ли откинуть отъ сердца стрѣлу, глупымъ или злымъ человѣкомъ пущенную?

Понять не могу, что охоты людямъ дѣлать зло для того, чтобъ только зло сдѣлать? Какъ тутъ не видать чрезполоснаго владѣнія добра и зла?

Чрезполосное владѣніе! — что такое? ....

Разумъ человѣка похожъ на круглое выпуклое стекло. Въ опредѣленномъ разстояніи оно объясняетъ предметы; выдь изъ мѣры, увидишь одно смѣшеніе, безобразіе и наконецъ какой-то туманъ, который скроетъ всіо!

Въ маленькомъ городѣ жить въ неизвѣстности не возможно. Я со многими познакомился, но или отъ того, что я здѣсь новъ, или отъ чего другаго, а въ здѣшнихъ обществахъ я никакъ не отыскиваю, чего бы

мнѣ хотѣлось. Здѣсь есть любезныя и прекрасныя женщины, но всіѣ не то. Какой это чудный человѣкъ наша Графиня, какъ я подумаю! — Какая кротость, покой и привлекательность въ чертахъ ея! Она занимается всѣми, но занимается такъ, что никто того на собственный счетъ принять не можетъ. Ты самъ примѣтилъ, мой другъ, какъ она скромна въ разговорахъ, какъ уступчива и какъ утѣшительна въ разсужденіяхъ! Какое терпѣніе въ горѣ! Пылкость сердца часто уподобляетъ ее румяной зарѣ, за которою веселый день живитъ и украшаетъ всіѣ. Признайся, сердечный мой, встрѣчалъ ли ты кого нибудь ей подобнаго? Я теперь говорю съ тобою хладнокровно, — суди самъ, что составляетъ ея удовольствіе? — Домъ, удаленіе отъ шумныхъ бесѣдъ, родные, чтеніе, музыка, рукодѣлье, управленіе домашнимъ дѣломъ, попеченіе о людяхъ. Примѣтилъ ли ты, мой другъ, и то, что она внушаетъ во всякаго какое-то священное къ себѣ почтеніе; что взоръ ея не поражаетъ вдругъ, но какъ-то обнадеживаетъ въ благополучіи цѣлой жизни?

Тебѣ не льзя подумать, чтобъ я судилъ

пристрастно, и потому надѣюсь, что ты меня бранить не будешь. Не уже ли не смѣю я похвалить и картины хорошей?

Я давно не получалъ твоихъ писемъ. Я бы кажется ожилъ опять. Прости, — я какъ то разстроенъ! —

№ 6.

Ноября 25го.

Почта пришла! — Какъ давно не имѣю я твоихъ писемъ, другъ мой! Какая горькая неизвѣстность! Здоровъ ли ты, мой сердечный? Мнѣ кромѣ вашего здоровья ничего не надобно, — а я и объ немъ ничего не знаю!

Я чрезвычайно безпокоенъ! Хожу цѣлый день, придумываю разныя причины твоего молчанія! Разрѣшаю ихъ въ разныхъ видахъ, и отъ одной мысли хватаюсь за другую. — Мой другъ! Дѣйствія души моей зависятъ отъ твоего разума и сердца! Я живу тѣмъ, что ты мнѣ скажешь, а ты молчишь! Да я тебя же и не вижу! Какое близкое подобіе смерти! — Ты молчишь! — Отъими отъ робенка руку помощи, — какъ онъ подъимется? .... Не уже ли судьба поставила меня съ тобою на одну дорогу? и такъ насъ поставила, что разойтиться намъ нѣтъ возможности! Мысль жестокая! О злое воображеніе! Огненный бичъ твой обхватываетъ весь составъ моей жизни! Долго ли мнѣ еще въ мрачныхъ

пропастяхъ твоихъ скитаться?—Мысль убійственная! — Нѣтъ! этого быть не можетъ. Другъ мой! Жизнь моя на волоскѣ держится; но пока этотъ волосокъ не порванъ, — я тому не повѣрю. — Нѣтъ, быть тому не льзя!

Будущая почта придетъ послѣ завтра.— Отъ чего я всегда ожидаю грому? За чѣмъ не ожидаю я солнца? Боже мой! За чѣмъ я въ такомъ городѣ, гдѣ только одинъ разъ въ недѣлю почта ходитъ! За чѣмъ здѣсь такой холодъ, и такой снѣгъ глубокой? За чѣмъ я здѣсь? За чѣмъ такая даль разлучаетъ насъ? — Сколько разъ умереть можно, доколѣ сло о мое долетитъ до своего назначенія?— Нѣтъ, не могу больше, — прости!

№ 7.

Ноября 25 го.

Я давно изъ вашего Богородскаго писемъ не имѣю. Я не знаю, что мнѣ подумать! Прикажите меня увѣдомить, милостивая Графиня, что у васъ дѣлается. Я безпокоенъ безпрестанно. Мнѣ уже кажется, я лишній въ мірѣ. Часто я думаю, что вы не здоровы, — и тогда воображеніе исполинскою силою разрываетъ жизнь мою. Мое здоровье здѣсь тоже для меня, что свѣтъ для слѣпаго! Коли бы я могъ отправить здоровье мое къ вамъ! — Простите. — Не уже ли человѣкъ въ отсутствіи другаго тоже, что цвѣтокъ безъ солнца? — Рука что-то не ходитъ по бумагѣ. — Ахъ Графиня! Не уже ли всѣ меня забыли?

№ 8.

Ноября 27го.

Виноватъ, мой сердечной другъ, виноватъ я предъ тобою! Какой я малодушный! Сумазбродный! Можно ли ворошить мои письма? Быть такъ, — твой гнѣвъ я снесу; — но что я написалъ къ Графинѣ? Что она теперь подумаетъ! Какое я имѣлъ право такъ написать къ ней? — Другъ мой, я сей часъ получилъ письмо твое, — а почта отходитъ! Какое положеніе! Я не смѣю вспомнить о Графинѣ! — О сумазбродный!

№ 9.

Декабря 4 го.

Милой мой другъ! Ты заботишься о моемъ здоровьѣ; — ты пишешь, что весь нашъ кружокъ чувствуетъ мою разлуку съ вами; что ты получилъ съ дороги мои письма; что ты кое что изъ нихъ читаешь доброй нашей Графинѣ! что она очень была довольна, видя, что я здоровъ; но недовольна, что я такъ мраченъ! — Суди самъ, сколько мнѣ наслажденій! сколько радости, сколько прибавилось во мнѣ силъ! — И разсудокъ мой сталъ кажется чище, и сердце покойнѣе! — Но чѣмъ же я благодарю тебя за твои благодѣянія? Малѣйшая медленность въ полученіи твоихъ извѣстій меня самаго противъ тебя ополчила! Страсть унесла и разсудокъ, поколебала во мнѣ и чувствованія дружбы! Похитила и сердце! Какое-то острое тонкое пламя разлилось въ крови моей! Разлилось, и безпрестанно разжигало мои муки!.... Въ ѣдкихъ угрызеніяхъ ихъ, въ порывистыхъ страданіяхъ я дерзнулъ помыслить!.... Нѣтъ! Нѣтъ, мой другъ, не

могу я повторить этой рѣчи. — Сохрани Богъ, — естьли ты не забудешь вины моей! Я наказанъ, — и теперь я не чувствую уже въ себѣ ни слѣда, ниже тѣни этой болѣзни. Изчезла она, — изчезла какъ молнія отъ единаго твоего слова! — Я покоенъ! —Ахъ, мой сердечный, не отнимай у меня спокойствія. Дай мнѣ, — дай мнѣ хотя нѣсколько времени подышать имъ, насладиться имъ ..... Да что я тебя прошу?.... У меня письмо твое, — оно безпрестанно со мною, — я вижу, ты всіо тотъ же! — Ты великодушенъ, Графиня мнѣ простишъ! — и я отдыхаю!

Минуты моего удовольствія приводятъ меня въ восторгъ. Я не знаю отъ чего, но во мнѣ нѣтъ ни одного ровнаго, ни одного покойнаго чувства. Какіе-то безпрестанные порывы и умножаютъ и сокращаютъ жизнь мою. Изъ раю я часто упадаю въ какую то пропасть, гдѣ всіо темно и всіо жжетъ! А тамъ, вырвавшись, опять, какъ будто изъ бездны, водъ меня поглощающихъ, я плыву на челночкѣ моемъ и по свѣжему вѣтру лечу какъ птица!

Въ продолженіи сихъ благотворныхъ минутъ я буду писать Графинѣ, буду шу-

тить, смѣяться; а когда взойдетъ туча въ моемъ воображеніи, я всіо брошу, буду бесѣдовать съ тобою, и въ твоихъ наставленіяхъ, другъ мой! какъ въ обширныхъ вѣтвяхъ гордаго дуба, отъ грозы укроюсь.

Давно тебѣ назначенъ отъ меня гостинецъ. — Я описалъ одно произшествіе, въ моихъ глазахъ случившееся, изъ котораго увидишь ты, что такое сердце; но по неполученію писемъ твоихъ — признаюсь, забылъ я всіо! Теперь я къ тебѣ его посылаю. Прочтите эту бездѣлицу вмѣстѣ, — мнѣ такъ приятно, что тогда хотя невидимо я съ вами буду!—Ахъ, мой другъ, ты увидишь, какое щастіе, когда Богъ пошлетъ человѣку другаго человѣка по сердцу!

Прочитывая милое письмо твое, чувствую всю цѣну видовъ, которыми ты наставленія твои обогащаешь! Знаю, чувствую, — я, мой другъ, — я сумазбродный у тебя въ предметѣ. Ты высчитываешь достоинство человѣка! возвышаешь его разумъ, его духъ! а въ самомъ дѣлѣ возстановляешь падшія мои силы, оживотворяешь поглощенныя мои способности. О наставникъ мой любезный!

Что такое разумъ человѣческій? Чѣмъ выше устремляетъ онъ свое пареніе, тѣмъ болѣе предметы изчезаютъ у него изъ виду! Кто смотритъ въ верхъ, тотъ часто камня подъ ногами не примѣтитъ! Я могу не быть тамъ, гдѣ быть хочу, — согласенъ; но могу ли я не чувствовать страданія, когда обхватитъ меня огонь, и не будетъ мнѣ средства выбѣжать изъ пожару?

Впрочемъ я не утверждаю ни чего, — мнѣ такъ мечтается. — Я самъ себѣ не вѣрю, — и что такое самая философія наша, какъ не туманъ, изъ котораго помоги Богъ выпти безъ поврежденія и напасть на тропинку, къ родинѣ своей ведущую?

Хотѣлъ я тебѣ отыскать мою повѣсть, да видно не успѣю. — Не могу вспомнить, куда я заложилъ ее. — Мудрено ли? — Я часто забываю, что сказать хочу. — Какой мнѣ урокъ! Вмѣсто того, чтобы мнѣ занимать тебя бреднями моими, не лучшель бы исполнить то, что я тебѣ обѣщалъ? Я отсталъ отъ настоящаго, и самъ не знаю, какъ погнался за догадками. — Написалъ къ тебѣ двѣ страницы, — а что обѣщалъ, того не сдѣлалъ!

„Таковъ Фелица я развратенъ;
„Но на меня весь свѣтъ похожъ!„

Я покоенъ слава Богу, — поѣду гулять — и потомъ приготовлю письмо милой нашей любезной Графинѣ. Не гнѣвайся на меня другъ мой, — я совсѣмъ благоразуменъ!

№ 10.

Декабря 7го.

За одну вину мою я отказалъ себѣ удовольствіе писать къ вамъ Милостивая Графиня. Но наставникъ мой увѣдомляетъ меня, что вы примѣтили ту мрачность, какая меня здѣсь постигла, и обо мнѣ пожалѣли; а я не могу не почувствовать признательности за такое во мнѣ участіе, и потому осмѣлился опять пожаловать себя въ исполнители вашей прежней воли.

Чѣмъ далѣе я отъ васъ, тѣмъ я къ вамъ ближе, — мнѣ кажется я съ вами безпрестанно. — Что тутъ дѣлать? — Вы вѣрно примѣтили, что какъ ни поставите цвѣтокъ на окошко, онъ всіѣ тянется къ солнцу!

Я въѣхалъ въ такой край, гдѣ кажется подъ распущенными крыльями смерти холодъ проникъ во всіѣ. — Прости мой зеленый лѣсъ! — Простите цвѣты мои любимые! — Простите птички! — Простите Графиня! — Я въ другой планетѣ.

Здѣсь какой-то рѣзкой холодъ
Самый воздухъ зачумилъ,
По полямъ летаетъ голодъ,
Видъ природы всей унылъ!
Мгла какъ бѣлый пухъ гусиный
Сором сыплется съ небесъ!
Прячутся въ него долины,
До нага ограбленъ лѣсъ!
И сребристыми хохлами
Покрывая дряхлый видъ
Въ страхѣ полумертвъ стоитъ!
Рѣки съ рѣзвыми ручьями
Переловлены сѣтями,
По темницамъ всѣ сидятъ,
Солнышко смѣнило взглядъ,
Въ блѣдности своей ужасной
Кроется оно всечасно
И отъ всѣхъ уйтить спѣшитъ . . . . .
Взглянешь — тёмно,— Солнце спитъ! . . .
Звѣри
Прячутся въ пещеры,
Птичекъ не слыхать въ поляхъ;
Пусто даже въ деревняхъ!
Лишь примѣтно, что въ домахъ
Плотно затворяютъ двери.
Тамъ при огненныхъ лучахъ
Золотистыя лучины
Крылошки сложа орлины,
По ночамъ прядетъ любовь,
Щитъ отъ стужи и покровъ!

Вы можетъ быть подумаете Сударыня, что я, имѣя честь носить по власти вашей новое званіе стихотворца, пустился въ бредъ! — А я вамъ клянусь, что всѣ эти чудеса видѣлъ я на яву, — кромѣ любви, которую

встрѣчаю и тамъ, гдѣ ее нѣтъ. — Да это опять по тому ..... что она во мнѣ. — Вѣрьте мнѣ добрая Графиня, что по внутреннему расположенію человѣка наружные предметы принимаютъ и видъ свой и цвѣтъ, и вотъ отъ чего рѣдко! весьма рѣдко могутъ два человѣка видѣть предметы одинакимъ образомъ! — По этой же самой причинѣ часто не смѣю и я объяснить моего чувства. — Выскочитъ какъ нибудь слово; а тутъ добрые люди тебя схватятъ и отведутъ въ желтой домъ. (*) Съ горяча о тебѣ пожалѣютъ, — а потомъ, — забудутъ, что ты и существовалъ на свѣтѣ!

Скоро ли мои сушеные цвѣты пріѣдутъ? Мнѣ всіо кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, лучшихъ гостей мнѣ не видать! Взглянувъ на нихъ нѣкоторыя предстаявятся въ видѣ искреннихъ мнѣ людей, съ которыми я въ разлукѣ. — Чудное дѣло! Истинныя черты, свойства людей любимыхъ, души ихъ, наполняютъ сердце, а человѣкъ непрестанно ищетъ видѣть хотя одно ихъ подобіе. Какое странное твореніе человѣкъ!

(*) Домъ, гдѣ содержатся сумасшедшіе въ Петербургѣ.

Для себя онъ вѣкъ живетъ,
А не можетъ жить собою!
Надобно ему порою
Раздѣлить и солнца свѣтъ!

Я напримѣръ живу здѣсь одинъ, — чтобы мнѣ до того, что вы въ Малороссіи? — Что съ лишкомъ полторы тысячи верстъ стоятъ между нами, и нашъ путь сообщенія заградили лѣса, рѣки, горы! — Довольно того — я здѣсь, и свѣтъ, и свобода, и пища при мнѣ, — и людей добрыхъ — отыскать можно! Чего же бы мнѣ не доставало? — Со всемъ этимъ разстанься я съ тою мыслію, что вы меня помните. — Мнѣ ни чего не надобно будетъ, Графиня! — Естьли міръ, жизнь значутъ что нибудь, то значатъ только по сердцу. — Покуситесь же вы напротивъ того ко мнѣ написать, я впередъ воображаю, какъ съ радости вдругъ превращусь въ младенца, или:

Какъ муха солнцемъ освѣщенна
Жизнь изъ лучей небесныхъ пьетъ,
Бывъ прежде смертью покровенна
Вдругъ оживаетъ и встаетъ;
Потомъ расправивъ понемножку
Блестящи крылошки въ пыли,
Летитъ, и славитъ теплы дни!
Похожій на воскресшу мошку
Такъ я на радости моей,

Изъ льдистыхъ выбившись сѣпей,
Взовьюсь въ восторгѣ надъ снѣгами
И буду пѣть подъ небесами
Власть вашу средь морозныхъ дней!

Самая та минута, въ которую я теперь бесѣдую съ вами, есть минута моего блага. Я съ такимъ удовольствіемъ ощущаю жизнь! — Сердце мое изливается съ такою свободою! — Вотъ что зависитъ отъ человѣка на свѣтѣ! — Не будучи ни Государемъ, ни вельможей — изъ одного слова его истекаетъ часто и жизнь и смерть!

Пишите ко мнѣ Графиня, я ожидаю вашихъ писемъ точно такъ, какъ человѣкъ въ половину окостенѣлый ждетъ, чтобъ кто нибудь отогрѣлъ его.

Извините меня, — я наскучилъ вамъ философическими узорами моими, и для того перестаю; но не перестану никогда быть вамъ преданнымъ стихотворцемъ и знакомымъ человѣкомъ.

№ 11.

Декабря 10го.

Отъ чего это другъ мой, въ иной день я благоразуменъ, а въ иной совсѣмъ не свой? Что такое есть во мнѣ, съ чѣмъ я справиться не могу? — Отъ чего я часто забываю, что хочу выговорить? — Иногда мнѣ кажется я здоровъ, — иногда кажется боленъ! ничего я не дѣлаю и дѣлать не могу, а времени не имѣю! — Всіо бы я ходилъ, и всіо бы я былъ одинъ! — уѣхалъ бы я отсюда, — да куда? — Иногда я чувствую какое-то въ себѣ умноженіе жизни, — сердце какъ будто полнѣе! — Я спрашиваю, за чѣмъ я жилъ до нынѣ? — А иногда совсѣмъ мнѣ жить не хочется! — Иногда кажется я не живу — Богъ знаетъ, гдѣ я! — Гдѣ бываю, тамъ меня нѣтъ! — Ищу, — бѣгаю, — ѣзжу цѣлой день, — и часто въ вечеру нахожу себя сидящаго въ слезахъ! — Или сижу, — молчу, и смотрю какъ догораетъ свѣчка!

Бываютъ минуты, въ которыя мнѣ кажется, что ничего цѣлеснаго на мнѣ нѣтъ, и будто

я не въ здѣшнемъ мірѣ,—и будто я животное особое! — Часто меня не понимаютъ! — Большая часть людей, которыхъ вижу, ни чего не чувствуютъ! Весь признакъ жизни въ нихъ доказывается однимъ только движеніемъ! Иногда я ко всему и ко всѣмъ равнодушенъ; — иногда я всіо и всѣхъ люблю! — Люблю! какое сумазбродство любить! — Бываетъ время, гдѣ я не могу читать твоихъ писемъ! — Весь адъ и все благополучіе судьбы человѣческой знаешь ли гдѣ! — Сердце у меня бьется!

Сани готовы, — я поѣду, — пусть прохладитъ дыханіе мое рѣзкой вѣтръ! — Я къ тебѣ буду писать какъ себя сыщу. — Прости. — Какой морозъ! — Какая ночь свѣтлая! — Какъ всіо покоится! — Въ горѣ человѣкъ живетъ въ двое! — Каждая минута ростетъ и не проходитъ! — Какъ ни скачетъ проѣзжій, унылый спутникъ ночи, кажется всіо на томъ же мѣстѣ!

Ты меня мой другъ не уговаривай! — Развѣ не видалъ ты такихъ пожаровъ, гдѣ люди окруживъ горящій домъ и не находя средствъ унять огонь, стоятъ сложа руки, и смотрятъ какъ извивается пламя, обхватываетъ зданіе,

и втѣсняясь во всѣ его составы разрушаетъ ихъ? — А ты меня уговариваешь! . . . .

Часто я себя браню, за чѣмъ я такъ горесненъ! За чѣмъ я отчаиваюсь довременно! — Но такая мысль освѣтитъ меня какъ молнія и изчезнетъ! — Останется одна черная гроза надъ головою! — Бѣдные, немощные, убогіе, нещастные, — какъ вы мнѣ близки стали!

Помнишь ли ты сердечной мой? — Утро было такое ясное! Встрѣтили вы меня рано подъ горою сидящаго на берегу ручья! Каменныя груды окружали меня какъ стѣны! Надломленная вѣтвь стараго сухаго дуба шумѣла надъ головою моею, — тутъ я сидѣлъ, и обмахивалъ отъ мухъ спящаго крестьянскаго младенца, котораго мать неподалеку работала. — Мальчикъ лежалъ на двухъ снопахъ, третій стоялъ въ изголовьѣ, и висящими дугою колосьями защищалъ его отъ солнца. Румяныя полныя щоки, гнѣвливый видъ, волосы кудрями—изображали спящаго Геркулеса въ колыбели. Графиня меня тогда увидѣла. Она подошла ко мнѣ, и вѣ полголоса мнѣ сказала: „*когда же ты уснешь недовѣрчивый село-*

„вѣкъ? *За тѣмъ ты здѣсь одинъ? Развѣ „ты со всѣми раззнакомиться хочешь?...*„ Пробѣжалъ огонь сквозь всіо существо мое! — Сердце забилось, душа изъ меня извлекалась, — я торопливо выговорилъ: вы видите Графиня, чей я сторожъ. Вы между тѣмъ всѣ приближались. Она еще разъ на меня взглянула, — пожала плечами — и прошла мимо.

Какъ мой другъ, не уже ли чувствованія сердечныя подобны сверкнувшей и изчезающей мгновенно снѣжной пыли?

Я поѣду гулять, — прости.

№ 12.

Декабря 12 го.

Радость живитъ и возвышаетъ человѣка!..... Силы небесныя! научите меня объяснить восторгъ, объяснить блаженство, отъ земли меня отдѣляющіе. Нѣтъ! Я животное безсмертное!—Солнце! что твое сіяніе противъ того живительнаго свѣта, какимъ преисполнена душа моя? Я за чувствованіями не успѣваю!—Наставникъ мой!—Другъ мой!—Какъ мнѣ тебѣ изъяснить?.... Быстрота ощущеній уноситъ слова!—Могъ ли я ожидать?

Я сынъ твой Создатель! Ты мнѣ посылаешь Ангела указать путь, которымъ мнѣ итти! Стóю ль я этого?....

Кто я теперь?

Человѣкъ, начинающій изъ дали отличать черты того, которымъ онъ мыслитъ, чувствуетъ и живетъ! Каждый мигъ удвоиваетъ его радость! Продолжись такое положеніе! Подумай другъ мой, оно можетъ прекратить жизнь!

№ 13.

Декабря 14го.

Почталіонъ!—Письмо!—Посылка!—Ваша надпись!—Вы здоровы! Вотъ и цвѣты ваши!—О! лучшая награда,—первое благополучіе, довольное сердце!—Пусть теперь бушуютъ метели! Пусть трещатъ морозы! Я сталъ каменною горою!

Вы говорите: я въ синемъ моемъ фракѣ безпрестанно съ вами; вы слышите иногда голосъ мой; вы ожидаете меня всякой разъ, когда въ вашу гостиную всѣ соберутся!—Въ самомъ дѣлѣ вы не ошибаетесь добрая Графиня.—Я точно съ вами. — Никто, никто вамъ столько не принадлежитъ на свѣтѣ! Время и опыты въ томъ мои поруки; ночь и день мои свидѣтели.

Вы приказываете не предаваться мрачнымъ размышленіямъ,—вы мнѣ это приказываете? — Ахъ Графиня! — Я привыкъ видѣть въ васъ Ангела милосердія, а вы такъ строго, и съ однимъ мною такъ строго поступаете!—Дайте же мнѣ прежде всего другое сердце. — Вос-

кресите падшій духъ мой; — вооружите меня вашимъ разумомъ;—вспомните, что я!

Вы еще приказываете мнѣ писать къ вамъ чаще, но только не такъ грустно, какъ я пишу къ моему наставнику, а чтобы я писалъ къ вамъ по прежнему и не отставалъ бы отъ должности стихотворца, которымъ вы до нынѣ довольны.

Не возбуждайте во мнѣ болѣе усердія къ сему новому званію; я и такъ кажется имъ исполненъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ я съ вами разстался, или лучше сказать съ тѣхъ поръ, какъ вы приказали мнѣ быть стихотворцомъ, я безпрестанно внѣ себя. — Я часто тамъ вижу разныя привидѣнія, гдѣ другіе ни чего не видятъ,—часто не сплю цѣлыя ночи,—забываю пищу,—забываю время, говорю одинъ, принимаюсь писать къ вамъ, и раздираю мои письма;—иногда находитъ на меня какъ будто какое сумасбродство и самый бредъ! — И я точно въ себѣ чувствую постороннюю какую-то силу!

Я точно думаю, что эта посторонняя сила не что другое, какъ духъ стихотворства, который вы Графиня въ меня поселили.

На примѣръ: вчера получивъ письмо ваше, я такъ вдругъ обрадовался, что долго съ нераспечатаннымъ письмомъ вашимъ бѣгалъ и прыгалъ по горницѣ, и вообразите до чего доходило!—Что я нѣсколько разъ цѣловалъ письмо ваше; а тамъ какъ я усталъ, сѣлъ и прочелъ его, слезы рѣкою потекли изъ глазъ моихъ. Я бросился къ столу, наполнилъ меня восторгъ, начались показываться привидѣнія и между многими одно представилось мнѣ очень ясно:

Лишъ тронулъ я ковчегъ богатый
Прелестной для меня мечты,
То есть: лишъ ящикъ вскрылъ дощатый,
Гдѣ уложили вы цвѣты,
О чудеса! — Въ шипахъ колючихъ
Подъ сводомъ розъ, лилей цвѣтущихъ
Крылатое дитя лежитъ! —
Онъ спитъ,
И держитъ лукъ одной рукою;
На изголовьѣ онъ другою
Запутался въ златыхъ кудряхъ!
Подъ крыльями таились стрѣлы,
Колчанъ подушкой въ головахъ,
Черезъ плечо очки висѣли
И золотыхъ сѣтей клубокъ;
Вѣнецъ, Держава, Скиптръ — у ногъ!
Какъ нѣкій полубогъ
Красой неизреченный
Казался Онъ!
Рѣсницы черны опущенны
Отъ свѣта охраняли сонъ;

Въ лицѣ румянецъ разливался,
Улыбка пламенна въ устахъ;
Покровъ на сонномъ извивался
И растерялся въ красотахъ!
Мечтою удивленный
Я весь оцѣпенѣлъ,
Какъ смертью покровенный
Я побледнѣлъ,
Дохнуть не смѣлъ!
Глаза остановились!
А руки какъ открылись,
Чтобъ ваши взять цвѣты,
Окостенѣли на пути!

Вотъ Сударыня, каково человѣку, гдѣ любовь заснетъ!—Ахъ! Сохрани васъ Богъ!—Кто увидитъ ее спящую, тотъ въ мигъ окаменѣть можетъ. — Послушайте, что она со мной сдѣлала!

Минуты двѣ стоялъ я пнемъ,
Не знаю, что со мною было;
Но вдругъ какъ будто бы огнемъ
Меня согрѣло, — освѣтило,
Почувствовалъ я шорохъ крылъ!
Проснулся мой дитя прелестный,
Вспорхнулъ и стрѣлы въ горсть словилъ
На розу сѣлъ, колчанъ набилъ
И бросивъ чрезъ плечо запасъ сердецъ чудесный,
Самъ оперся на лукъ.
Изъ глазъ его огонь небесный
Вливалъ во все и жизнь и духъ!
Но тутъ же вдругъ
Вспылалъ онъ гнѣвомъ,
И какъ пѣтухъ
Передъ напѣвомъ,

Захлопавъ крыльями златыми
Качался на цвѣткѣ, и грозно рекъ.
„Нещастный человѣкъ!
„И ты рѣчами злыми
„Дерзнулъ на югѣ разглашать,
„Что въ сѣверѣ моя безсильна благодать!
„За это знаешь ли?—Ты камнемъ долженъ стать,
„И сорокъ лѣтъ во льду лежать!
„Но щастливъ ты, что месть я презираю
„И въ кротости моей
„Не рву головъ съ людей!—
„Что шуткой ими управляю,
„И милостью сражаю злыхъ;
„Что левъ за мной бѣжитъ ягненкомъ,
„Мудрецъ становится робенкомъ,
„И ледъ горитъ въ лугахъ цвѣтныхъ!
„Ты слѣпъ безъ сихъ очковъ оптѣнныхъ
„Возьми и ихъ надѣнь, —
„Испей съ концовъ сихъ стрѣлъ каленыхъ:
„Въ восторгѣ сладостномъ ты будешь ночь и день!
„Невидимкой неразлучно
„Буду я вездѣ съ тобой;
„А зимѣ угрюмой, скучной,
„Прикажу быть красотой;
„Мрачныя ея столицы
„Взглядомъ обращу въ дворцы,
„Гдѣ алмазныя свѣтлицы
„Будутъ смертнымъ образцы.
„Серебромъ я ихъ покрою
„И обвѣшу жемчугомъ,
„Цвѣтники внутри устрою,
„Разны игры колесомъ!
„Рѣзвая зимы прислуга
„Снѣгъ, морозы, ночи вьюга
„Вся въ хохлатыхъ сѣдинахъ
„Выдетъ въ новыхъ красотахъ!„
Сказалъ, — изчезъ, — разсыпался какъ прахъ,

Открытый ящичекъ съ цвѣтами
Остался подъ руками!
А я въ очкахъ
Глазами хлопалъ какъ дуракъ!

Вотъ какія чудеса со мной случились Графиня! — Какъ мнѣ не благодарить васъ? — Мнѣ теперь такъ легко! такъ хорошо!

Я поѣхалъ съ тѣмъ, что по приказанію вашему буду описывать здѣшнюю зиму, а вмѣсто того занимаю васъ мечтами моими.— Хватаюсь то за одну мысль то за другую! и ни одной постоянно слѣдовать не могу; хочу сказать одно, говорю другое! О это точно стихотворная сила! Ну естьли она усилится,—Ахъ Графиня! родная моя! я смертно опасаюсь, что вы перестанете читать мои письма!

№ 14.

Декабря 20 го.

Мои письма исправно къ тебѣ доходятъ другъ мой, и спасибо ты пишешь ко мнѣ часто. Я еще вчера получилъ письмо твое.

При томъ утѣшеніи, какимъ я питаюсь въ разлукѣ, я опять человѣкъ! И въ откровенности признаюсь тебѣ истинный другъ мой, что отъ послѣдняго письма Графини я сталъ какъ-то тверже! Я ощущаю общую связь существа моего! Ахъ не такъ какъ прежде! Не жилъ я, а томился жизнію; не дышалъ, а издыхалъ ежеминутно! Теперь я точно тверже, покойнѣе — и право кажется и умнѣе.

Читая описаніе моихъ страданій, ты со мною говоришь какъ съ такимъ человѣкомъ, у котораго подлѣ пропасти голова кружится. Нѣтъ мой другъ! Всѣ силы сердца моего собрались въ одно чувство; вся душа моя исполнилась однимъ предметомъ; различные порывы меня истязавшіе изчезли; мнѣ стало такъ покойно! Кажется я воскресъ — и живу!

Одинъ взглядъ, одно слово такъ ее отличаютъ, какъ отличается солнце! Голосъ ея извлекаетъ душу! А ты хочешь превратить меня въ камень! Не говори болѣе мнѣ объ этомъ. Ты меня не поколеблешь. Когда человѣка въ полномъ морѣ носитъ вѣтръ, когда и паруса и руль оторваны бурею, спасаетъ тогда плывущаго одинъ Богъ! . . . . Не вооружай меня противъ непріятеля, скажи прежде, гдѣ онъ?

Ты говоришь: я ниже человѣка; я покорился разумомъ и сердцемъ. Не согласенъ я съ тобою другъ мой. Истинный рабъ есть тотъ, у котораго первѣйшее чувство лесть; первѣйшая мысль ложь. А я напротивъ того становлюсь гордъ, что почувствовалъ достоинство добраго сердца, и что, положивъ въ такую высокую цѣну жизнь мою, успѣлъ ее сбыть съ рукъ. Знаешь ли, что кругъ чувствованій моихъ сталъ обширнѣе? Меня перестали занимать мірскія забавы, это правда. Но я люблю! А съ симъ чувствомъ я болѣе готовъ къ помощи и въ болѣзняхъ, и въ нищетѣ, и въ страданіи другихъ! Бывало увижу спящаго покойно человѣка, пройду мимо; нынѣ остановлюсь, посмотрю и порадуюсь. Точно цѣлою ступенькою сталъ я выше; а ты, ты

меня тащишь за полу, и велишь остаться въ той толпѣ, гдѣ большая часть животныхъ слѣпыхъ и глухихъ ѣдятъ другъ друга!

Ты говоришь: дѣйствіямъ самой души я поставилъ предѣлы, и въ нихъ истлѣваю! Ахъ мои другъ! Скажи же ты мнѣ, какая радость, какая цѣль скитаться въ безмѣрной степи, гдѣ нѣтъ ни пристанища, ни воды, ни тѣни?

Я часто самъ себя спрашивалъ: что ты это дѣлаешь? Куда ты идешь? Что съ тобою будетъ? Но самъ же я себѣ и отвѣчалъ: я не знаю, гдѣ я. Своего бытія я не чувствую. Живу другимъ, и этотъ другой дороже мнѣ себя. Что я говорю дороже? Какъ сравнивать одно съ другимъ, когда одного совсѣмъ нѣтъ! Могу ли я отвѣчать, могу ли я дать отчетъ, когда меня нѣтъ! Такъ волновалась душа моя, и естественно! Тогда еще не созрѣло то чувство, которое потомъ замѣстило самую жизнь; а ты самъ знаешь, что робенокъ, занятой какимъ нибудь предметомъ, говоритъ громко и самъ отвѣчаетъ! Нынѣ напротивъ того всѣ во мнѣ согласно, всѣ утихло и покорилось одной мысли, одному чувству. Составъ мой

совершился и самая смерть разрушить уже его не можетъ!

Случалось ли тебѣ замѣтить, какъ истинная любовь похищаетъ всѣ душевныя силы?

Я вспомню тебѣ одинъ опытъ, при тебѣ случившійся со мною лѣтомъ:

Однажды гуляли мы цѣлою толпою. Какъ теперь смотрю, вечеръ былъ такой тихой! Лунный свѣтъ золотымъ столбомъ плавалъ по рѣкѣ и освѣщалъ плывущіе плоты, на коихъ слышны были пѣсни, и курился дымъ! Соловей на другой сторонѣ рѣки подавалъ голосъ во всѣ окрестности!

Я шелъ съ Графинею рядомъ. *Я забылъ*, что поздо! *Я не видалъ*, что мы не примѣтно отъ товарищей отдѣлялись. *Я не слыхалъ*, что намъ кричали, чтобы мы не спѣшили!

Точно такъ я теперь живу и безпрестанно такъ мой другъ. — Нѣтъ чувства мнѣ принадлежащаго! Я нажилъ Господина. — Вѣрная моя служба соединяетъ каждый день съ другимъ и составляетъ то, что я называю жизнію. — Свѣтъ, міръ, всіо у меня въ сердцѣ! Разстроится оно? — Тогда въ глазахъ моихъ міръ превратится въ ужасную и безобразную гро-

маду, гдѣ не отыщешь ни свѣту, ни тропинки!

Наставникъ мой сердечный, вотъ тебѣ мое признаніе. — Я изъ сердца его прямо къ тебѣ посылаю. — Прости. — Богъ съ тобой. — Не увѣщавай меня другъ мой! Судьба меня непримѣтно подвела къ тому жертвеннику, на которомъ съ самаго сотворенія міра не угасаетъ пламя! Или прикосновеніемъ моимъ обращусь я въ пепелъ, или новымъ свѣтомъ украшу цѣлый путь жизни!

Впрочемъ я теперь покоенъ. — Лишь бы я былъ увѣренъ, что меня помнитъ одинъ человѣкъ. — Нѣтъ для меня ни отдаленности, ни времени!

Я такъ покоенъ, что сего же дня пишу къ Графинѣ и разрѣшаю задачу *о щастьѣ*, которую она мнѣ сдѣлать приказала. — Разрѣшаю по сердцу, а иначе не умѣю! — Что дѣлать!

№ 15.

Декабря 20 го.

Человѣкъ довольный, котораго ничто не заботитъ, ничто не тревожитъ, видитъ предметы особымъ образомъ. — Всѣ ему встрѣчается къ статьи, и вездѣ ему хорошо.

Такъ я до нынѣ живу письмомъ вашимъ, добрая Графиня. — Часто смотрю на сушеные цвѣты отъ васъ присланные. Прелестный памятникъ мечты моей, силою которой почувствовалъ я, что такое щастье земное, и гдѣ оно! И хотя начинаю я чувствовать ожиданіе другаго письма, но между тѣмъ первымъ письмомъ вашимъ я всякой день удовольствіе мое поновляю, — и мнѣ сносно!

Я къ статьи коснулся щастія. — Вы меня спросили, въ чемъ я его полагаю? Спросили, и требовали моего отвѣта!

Вамъ ли меня объ этомъ спрашивать, и мнѣ ли отвѣчать вамъ? — Простите мою откровенность, щастье мнѣ кажется съ вами неразлучно! Я такъ думаю, вотъ почему: гдѣ вы покажетесь, тамъ такъ пріятно! Съ кѣмъ

вы заговорите, тому такъ весело! Но какъ вы требуете понятія моего о щастіи смертныхъ вообще, а я послушнѣйшій изъ слугъ вашихъ, то сколько могъ обдумавъ задачу, искренно скажу вамъ мое мнѣніе.

Вы сами лучше меня знаете Графиня, что всякой понимаетъ щастіе по своему. — У скупаго оно въ деньгахъ, у честолюбиваго въ чертогахъ Царскихъ, у умнаго въ знаніяхъ, и проч. — Много о щастіи и говорено и писано. и естьли затверживать всѣ пестрые планы по этому предмету, то я думаю, что непримѣтно попадешся въ такую путаницу, что занявъ у Лапландца кафтанъ, у Нѣмца длинной парикъ, у Англичанина круглую шляпу, у Француза вертлявую походку, самъ себя не узнаешь, по тому что чужое рѣдко бываетъ въ пору, и выдешь наконецъ по неволѣ какимъ-то шутомъ или уродомъ.

Я не отвѣчаю милая Графиня, чтобы и я вамъ уродомъ не показался, по крайней мѣрѣ таковъ я по природѣ. — Что тутъ дѣлать?— Я на это иду; а вы слава Богу ко мнѣ всегда снисходительны были.

Вотъ по какимъ причинамъ я никогда о щастіи ничего не читывалъ и объ немъ говорю рѣдко.

Въ мысляхъ моихъ встрѣтите вы можетъ быть несообразности съ ученымъ свѣтомъ, рѣчь простую безъ всякаго искуства сложенную. — Но за чѣмъ выработывать рѣчь въ отношеніяхъ сердечныхъ?

Источникъ сельскій и шумливой
Бѣгущій въ дебряхъ по лугамъ,
Чрезъ камни скачущій игриво
Подобный свѣтлостью лучамъ,
Съ горы срываясь въ чисто поле
Не веселѣе ль кажетъ видъ
Того, который въ злой неволѣ
Въ златыхъ заклѣпахъ жизнь томитъ,
И въ мраморахъ своихъ богатыхъ,
Въ порфирахъ, въ бронзахъ кудреватыхъ
Великолѣпья мрачный рабъ,
Чуть дышетъ между львиныхъ лапъ?

Итакъ вотъ вамъ любезная Графиня простая моя и коротенькая исповѣдь!

По разуму и сердцу человѣкъ отличается отъ животныхъ.

Свойство чистаго разума есть *пареніе*, *быстрота*. — Но чѣмъ *пареніе* выше, тѣмъ болѣе разумъ видитъ свою ничтожность. — Чѣмъ *быстрота* стремительнѣе, тѣмъ сильнѣе отражается разумъ отъ непроницаемыхъ таинствъ природы.

Слѣдовательно истинно умный человѣкъ занятіями разума доволенъ быть не можетъ, при возчувствованіи своего ничтожества довольнымъ быть не льзя, то какъ же быть щастливымъ?

Свойство чистаго сердца есть *стремленіе къ благу* частному и общему.

Чѣмъ болѣе такое стремленіе сердца проникаетъ въ предметы, тѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ удовольствія.

Слѣдовательно кажется, что всіе щастіе человѣка состоитъ въ ощущеніяхъ сердечныхъ. — Я не говорю теперь объ ограниченномъ разумѣ, который питается и пухнетъ въ сѣтяхъ гордости; не говорю также о нечистомъ сердцѣ, которое ищетъ въ землѣ себѣ пищи.

Но что такое собственно щастіе? — Не уже ли можно назвать щастіемъ всякое удовольствіе, какое человѣкъ чувствуетъ безъ вреда другому? — По этому и пьяной, и скупой, и честолюбецъ, доколѣ первой пьетъ и не дерется, второй считаетъ деньги и не крадетъ, а третей шатается по придворнымъ лестницамъ и не сбиваетъ другихъ съ ногъ, должны быть щастливы?

Признаться вамъ Графиня, эта мысль меня поколебала. — Я неученой человѣкъ потерялся было въ моихъ размышленіяхъ. — Изъ одной мысли бросался въ другую. — Разумъ мой убѣждалъ меня, что щастье человѣка на землѣ есть дѣйствительно не что иное, какъ чувствованіе временнаго какого либо блага; и чѣмъ чаще человѣкъ пользуется такимъ благомъ, тѣмъ онъ щастливѣе, и я почти убѣжденію разума сдался. — Но сердце у меня билось. — Я былъ недоволенъ. — Какъ! я здоровъ, имѣю чѣмъ жить, пользуюсь хорошимъ столомъ, со мною ничего непріятнаго не случалось, я покоенъ, я доволенъ, слѣдовательно и щастливъ? — Нѣтъ, быть не можетъ! — Такъ щастлива можетъ быть и лошадь и собака. — Нѣтъ! Ты разумъ меня обманываешь. — Я пришелъ въ нетерпѣніе, схватилъ шляпу, и съ двора долой.

Попадись мнѣ на встрѣчу нищій въ разодранномъ рубищѣ, а морозъ такой былъ жестокой! — Случились со мною деньги, я ему ихъ отдалъ. — Мнѣ такъ стало весело, какъ подумалъ, что этотъ старичокъ купитъ себѣ теплую шубу, купитъ себѣ крѣпкіе са-

поги и мерзнуть не станетъ! — Такъ мнѣ стало весело, что мысль о щастьѣ вдругъ освѣтила меня какъ молнія! И я возвратясь домой написалъ вотъ что:

Щастье есть чувствованіе удовольствія, но такого, которое отличаетъ человѣка отъ животныхъ.

Слѣдовательно щастіе человѣка состоитъ въ такихъ ощущеніяхъ сердечныхъ, которыя питаются благополучіемъ другихъ. — Они не только приносятъ человѣку удовольствіе въ жизни, но соединяютъ его съ Богомъ.

Ахъ Графиня! точно такъ. — Сердце доброе есть храмъ свѣта, бездонный источникъ наслажденій! Какое щастливое твореніе тотъ человѣкъ, который сердечными ощущеніями украшаетъ жизнь свою! Какъ каждая капля росы или благотворнаго дождя проникаетъ во всѣ составы растенія и живитъ его, такъ каждый предметъ питаетъ человѣка въ сердечномъ добрѣ и богатствѣ живущаго! — На что бы ни взглянулъ такой человѣкъ, къ чему бы не прикоснулся, всіо умножаетъ существо его и достоинство жизни!

Вы безъ сомнѣнія примѣтили Графиня, что всіо видимое держится и сохраняется

силою какой-то связи! Одиночное, что бы то ни было, истребляется въ мірѣ само собою.

Чѣмъ болѣе сердце къ нѣжнымъ ощущеніямъ чувствительно, тѣмъ болѣе, какъ я сказалъ, раздѣляется оно въ другихъ и собственно собою уже существовать не можетъ. — Цвѣтку необходимо солнце.

Блаженъ тотъ, для кого солнце всходитъ! Чудная связь! Судьба посылаетъ доброму сердцу въ помощь другое на встрѣчу, и естьли встрѣтившіяся кромѣ другъ друга ничего постороннято въ предметѣ не имѣютъ, тогда знаете ли что выдетъ изъ такой встрѣчи? — Они поселятся вмѣстѣ, одно другимъ начнетъ мыслить, чувствовать, жить.

Такую встрѣчу почитаю я истиннымъ щастіемъ на распутіяхъ жизни человѣческой. Истиннымъ щастіемъ по тому, что жизнь вообще есть путь трудный. — *Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается!*

Всѣмъ даны сердца; но не у всѣхъ они равнаго достоинства, какъ я сказалъ выше.— Есть люди, у которыхъ сердце не что иное, какъ необходимое орудіе для обращенія кро-

ви! — Они имѣютъ свои наслажденія, но особаго рода.

Щастье ихъ (коли такъ назвать его можно) вѣтрено, прихотливо; оно часто является въ чужомъ кафтанѣ; оно крадетъ знаки отличія, шпаги, ленты и въ нихъ публично ходитъ. — Часто оно бѣгаетъ изъ дома въ домъ, набираетъ себѣ въ услугу шутовъ, дураковъ, злодѣевъ, и всіо для умноженія своего двора.

Иногда оно на свѣтѣ
Ставитъ города въ верьхъ дномъ!
Вдругъ увидишь съ нимъ въ каретѣ
Обезьяну съ дуракомъ
Ѣдутъ прямо въ знатный домъ. —
Иногда летитъ орломъ
И на пиковомъ валетѣ
Сотни душъ тащитъ съ собой,
Лѣсъ, деревни, скотъ въ полетѣ
Въ слѣдъ толпятся саранчой!....

Но пусть это щастіе живетъ гдѣ хочетъ; а я ему не слуга. — И да будетъ вамъ извѣстно, любезная Графиня, что я его щастіемъ не почитаю и не называю.

Я исполнилъ приказаніе ваше. — Что на сердцѣ у меня было, то и на языкѣ; а естьли я набрѣдилъ, то сдѣлайте милость не берегите меня, прикажите меня нарисовать,

Въ чорномъ вытертомъ кафтанѣ,
А парикъ на немъ хохломъ,
Носъ въ малиновомъ сафьянѣ,

До колѣнъ камзолъ мѣшкомъ;
На носу очки какъ горы!
Пестры азбучные вздоры
Крѣпко я держу рукой;
А въ другой клюкой рогатой
Я кажу тамъ смыслъ богатой,
Гдѣ въ словахъ лишь звукъ пустой.

И прикажите этотъ портретъ мой разослать по всѣмъ роднымъ моимъ, по всѣмъ пріятелямъ и знакомымъ, чтобы всѣ видѣли и знали, что съ тѣхъ поръ, какъ я заговорилъ о щастіи, таковъ сталъ преданный вамъ.

№ 16.

Декабря 21 го

Виноватъ я передъ тобой мой другъ. — Давно обѣщалъ я тебѣ повѣсть, списанную мною съ самой природы. — Я ее составилъ и сшилъ черною ленточкой. — Чуръ не расшивать и беречь эту тетрадку. — Каковъ случай, пусть она останется у тебя моимъ памятникомъ. — Настоящій мой памятникъ!

Списокъ съ природы.

Часто не зная куда дѣваться, я велю запречь сани и поѣду за городъ. — Безмѣрныя равнины, покрытыя мертвымъ снѣгомъ! — Пустота въ полѣ, трескучій морозъ, рѣзкой вѣтръ! Обнаженный лѣсъ, какъ будто раздѣляютъ мою мрачность!

Часто захожу погрѣться въ крестьянскую избу, и признаться тебѣ, всегда съ какою-то завистью смотрю на благословенную жизнь крестьянина! — Роскоши онъ не знаетъ, а потому суровости стихій не чувствуетъ! — Понятія его просты, вѣрны, а потому не многочисленны, и слѣдовательно ни ума ни сердца не развлекаютъ; умъ и сердце остаются у него на своемъ мѣстѣ. — Трудъ и здоровье составляютъ его блаженство, и онъ истинный царь въ здѣшней жизни.

Весело? — Онъ раздѣляетъ радость съ своими, и они незавидуютъ ему. — Грустно? Онъ говоритъ: *Богу такъ угодно*, и несетъ горе терпѣливо. — Бѣда не по силамъ? — Онъ молчитъ, и горе или въ слабомъ свойствѣ одолѣетъ разсудокъ, или въ сьойствѣ крутомъ самую жизнь его прекращаетъ.

Выѣхавъ однажды за городъ и подъѣзжая къ одной любимой моей деревнѣ, изъ которой большая часть крестьянъ промышляютъ извозомъ въ Малороссію, встрѣчаю я противъ обыкновенія множество людей на улицѣ, шумъ превеликой! — Женщины глядятъ въ окошки и говорятъ; мущины въ толпѣ. — Иныя бросили что несли и бѣгутъ къ тому мѣсту, гдѣ народъ скоплялся. — Иныя сплеснувъ руками воютъ!

Въ толпѣ вижу молодаго блѣднаго человѣка, стоящаго въ безмолвіи. — Онъ казалось мнѣ съ большимъ хладнокровіемъ и твердостію встрѣчалъ немилосердую судьбу свою и какъ будто собирался съ силами! — Не забуду его наружности! Дѣтина былъ лѣтъ 25 или 30. Ростъ прекрасный! Глаза черные, быстрые! Волосы кудрявые! Борода небольшая.—Стоитъ сложа руки надъ мертвымъ тѣломъ одного старика лежащаго у ногъ его!

Съ этимъ молодцомъ рядомъ стояла дѣвка, какъ теперь смотрю, въ красномъ сарафанѣ, какая-то коротенькая шубка кое-какъ накинута, коса по поясъ, блѣдна, слезы изъ глазъ капятся каплями. — Она оперлась

на плечо молодаго человѣка, задумалась, потупила глаза, и треплетъ концы у своего пояса.

Я распрашиваю то у того, то у другаго, что такое? — Иной махнетъ мнѣ рукою, да отойдетъ прочь. — Иная отвѣчаетъ однимъ восклицаніемъ. — Иной, перерывая рѣчь у другаго, говорилъ мнѣ въ полсмысла: „что тутъ „спрашивать баринъ! — Видно оно такъ, „грѣхъ-то какъ тутъ. — Какая бѣда поду„маешь! — И Богъ знаетъ куда они теперь! „— А парень-то парень какой исправной! — „Ахъ глупая! — Что ты тутъ будешь дѣ„лать?„

Наконецъ въ подвязной шапкѣ съ тростью встрѣтился мнѣ священникъ. — Я его отвелъ въ сторону и прошу удовлетворить моему любопытству. — Умной этотъ человѣкъ и чувствительный сказалъ мнѣ вотъ что:

„Я сударь седьмой десятокъ живу на свѣ„тѣ, но Богъ привелъ мнѣ въ первый разъ ви„дѣть такой случай! — Присягу данную эти„ми молодыми людьми одинъ Всевышній раз„рѣшить можетъ! — И короче сказать, при„сяга такая совсѣмъ неземная! Вы сами

„знать изволите, большая часть людей въ „томъ произносятъ клятву, что злу непри- „частны; эти молодые люди напротивъ того „присягали: одинъ въ томъ, что онъ смер- „тоубійца; а другая въ томъ, что не онъ, а „она. — Ужасный и необыкновенный случай! „— Вы не можете себѣ представить, съ ка- „кою твердостію они къ кресту Господню „приближались! — Богъ милосердъ, онъ ви- „дитъ сердца и помилуетъ ихъ! — Да будетъ „его святая воля съ ними! — Человѣку тутъ „дѣлать нечего! — Такое дѣйствіе самый „законъ обезоружитъ.„ — Да скажите мнѣ батюшко, что такое, какая причина побудила къ такой клятвѣ? —„ А вотъ я вамъ скажу сударь:

„Я здѣсь въ селѣ лѣтъ 20 священникомъ „и знаю всѣхъ моихъ прихожанъ; знаю, какъ „кто живетъ и кто каковъ. — Молодецъ, „что вы подлѣ мертваго тѣла видѣли, принадле- „житъ первому по селу дому, и достаткомъ „и честною жизнію хозяина. Отецъ его ста- „рикъ разумной имѣлъ восемь человѣкъ сы- „новей; семеро у него погибли, которые по- „мерли, а которые въ военной службѣ пере-

„биты. — Этотъ восьмой остался дома и „кормитъ отца, мать, трехъ сестеръ и си„ротъ, послѣ женатыхъ братьевъ оставшихся. „— Полюбилъ онъ дочь одного здѣшняго же „жителя, одна она у него и есть. — Пришло „дѣло къ сватовству; старики какъ то не „поладили. — Покойникъ бывало говоритъ: „*Малой-то доброй, да какъ ты ее отдашь?* „*Семья такая большая!* — *Угоди на одно„го, да угоди на другаго, что будетъ ей за „жизнь?* — *Состарется прежде времени.* „— Другой тогда говорилъ: *Какъ ему же„ниться? Дѣвка рабочая и собой красива, „да то и знай что съ отцомъ ѣздитъ въ „городъ, а тамъ не бось всево насмотрѣлась..* „Вотъ по этимъ пустымъ причинамъ оба „старика (люди знаете деревенскіе) и не со„гласились.„

„Этотъ молодецъ однако не оставлялъ „своего намѣренія! — Онъ часто видалъ ее. „— Случится поработать ли, пособить ли „гдѣ, кого бывало она кличетъ, а онъ тутъ; „и такъ прошло года четыре.„

„Вчера сидѣлъ отецъ этой дѣвки у избы „на лавкѣ. — Народъ разошелся обѣдать, на

„улицѣ ни кого не случилось, а молодецъ „ѣхалъ изъ лѣсу домой. — Поровнявсь про„тиву избы съ дровенъ соскочилъ, лошадь „пустилъ одну, а самъ съ дубинкой подошелъ „къ нему и шутя замахнулся. — На нещастье „дубинка вырвись, да старику въ високъ, такъ „что онъ ни полслова, и легъ на мѣстѣ. — „Молодой человѣкъ самъ мнѣ разсказывалъ, что „въ самое то время дѣвка смотрѣла въ око„шко. — Увидѣвъ такую бѣду, выбѣжала, „остановилась у лежащаго тѣла какъ вкопа„ная, поблѣднѣла; грудь ея стала подыматься, „какъ будто у человѣка, который вздохнуть „не можетъ, посмотрѣла на молодаго человѣ„ка пристально и долго глаза ея на немъ оста„новились; а тамъ вдругъ схватила себя за „волосы, бросилась на тѣло и закричала: *я „тебя сгубила отецъ мой родимый, я, я „изгодная!* — Деревня взволновалась, прибѣ„жали за мной; земской Исправникъ человѣкъ „у насъ очень добрый, случился въ деревнѣ, „тотъ часъ ихъ въ допросъ. — Они оба ста„ли на томъ: одинъ говоритъ, что стари„ка убилъ онъ. — Дѣвка говоритъ, что отца „убила она! — Исправникъ приказалъ приве„сти ихъ къ присягѣ. — Я по обязанности

„моей долго увѣщевалъ ихъ! — Молодецъ-то „всѣ какъ человѣкъ добрый говоритъ и въ „словахъ не сбивается; а она всѣ молчитъ, „и лишь прочелъ я присягу, она всѣ стояла; „но потомъ рѣшительно приступила къ налою, „— подняла глаза въ верьхъ, — перекрестилась „медленно съ большимъ усердіемъ, и евангеліе „и крестъ съ горячностію поцѣловала.„

„Я батюшко на старости заплакалъ! На„добно было видѣть ихъ и видѣть отца мо„лодаго человѣка! — Боже мой! — Судьбы твои „не исповѣдимы! — Что такое человѣкъ!

„Теперь везутъ ихъ въ городъ. — Какъ „Богъ поможетъ имъ, не знаю!„

Тутъ священника за чѣмъ-то позвали, и онъ отъ меня ушолъ!

Сердце у меня замерло! Я стоялъ долго на одномъ мѣстѣ. — Потомъ побрелъ въ первую избу, сѣлъ подъ окошко; мнѣ безпрестанно какъ будто кто говорилъ на ухо: *вотъ связь любви*! — Наконецъ мертвое тѣло убрали, виновныхъ повезли, народъ разбрелся, улица стала пуста, собрались мальчишки играть по прежнему! — Такъ-то всѣ проходитъ на свѣтѣ! — Господи, что такое

жизнь земная! — Одинъ домъ убіеннаго съ отворенными воротами остался памятникомъ, какъ бѣда и горе встрѣтили тутъ любовь, и заставили ее сіяніемъ славы своей доказать, что она гражданка небесъ!

№ 17.

Декабря 25 го.

Честь имѣю донесть вамъ милостивая Государыня о себѣ, что я получилъ вчера письмо отъ доброй нашей Графини, и съ самыхъ тѣхъ поръ чувствую, что постепенно превращаюсь въ такой цвѣтокъ, который тогда только разпускается, когда освѣщенъ солнцемъ, и я теперь увѣренъ, что доколѣ солнце мое свѣтить мнѣ будетъ, не завяну я и зимою!

Опять стихотворное уподобленіе! — Но что мнѣ дѣлать? — Я кажется писалъ вамъ, что часто со мною бываетъ бредъ! Что я не всегда употребляю рифмы; это опять отъ того, что рифмы, какъ вамъ не безъизвѣстно, составляютъ самую послѣднюю прислугу на Парнассѣ, а я безпрестанно летая на крыльяхъ восторга, и будучи украшенъ отличіями вашими, мѣлкимъ народомъ заниматься не могу и не хочу, и чего мнѣ посредствомъ прислуги добиваться? — Я слава Богу самъ вышелъ въ *Бари!*

Лечу носъ вздернувъ по паркету
И. въ грошъ не ставлю ни кого.

Оставляя шутку, я признаюсь вамъ милой человѣкъ, что я никакъ понять не могу, какъ вы на одной вашей страничкѣ умѣли ко мнѣ доставить то существо,

Которому на олтаряхъ
Въ чертогахъ гордыхъ, въ шалашахъ
Вездѣ дымъ жертвенный курится!
Къ которому весь міръ стремится!
И Царь, и рабъ, и добрый человѣкъ, и злой,
Американецъ въ перьяхъ дикой
И звѣздочетъ умомъ великой
Другъ за друга держась рукой
Съ завязанными всѣ глазами
Бѣгутъ усталыми шагами
Толпой несмѣтной на поклонъ?

Скажите, какъ вамъ Богъ пособилъ? — Нѣтъ! вы видно Графиня право не простой человѣкъ! И вы мнѣ кажется сами даже не знаете, что вы можете. — Пусть опредѣлила такъ судьба; но скажите мнѣ опять ради Бога, какими силами выступили вы изъ правилъ нашего времени? — Чудное право дѣло! — Вы не только видите человѣка человѣкомъ, не только любите его благополучіе, вы любите его горе! — И такъ занимаетесь судьбою другихъ, какъ бы собственнымъ вашимъ благомъ!

Какъ вамъ жить весело! — Сами вы говорите, что сердце, услаждающее горе и нужду другихъ, есть такой богатый источникъ ра-

дости, котораго никакія силы изчерпать не могутъ!

Ангелъ небесный! — А я здѣсь одинъ! Иногда кажется и сѣны мои стонутъ! И какая-то унывная пустота изображаетъ обширную область смерти!—Но за чѣмъ раздражаю я чувствительность вашу! Неблагодарный! и ты, получивъ письмо отъ Графини, можешь еще? . . . . .

За чѣмъ вы написали ко мнѣ, что время и разлука излѣчаетъ и воображеніе и сердце? Кто васъ научилъ сообщить мнѣ такое премудрое правило? — Немилосердый человѣкъ! Вы сами лучше меня знаете, что время и разлука истребляетъ привязанности вседневныя или такъ сказать наружныя! — Но твердая душа, на которую впечатлѣнія ложатся съ стремленіемъ огненнымъ, громовымъ, ни времени, ни обстоятельствамъ не покоряется. — Вы это лучше меня знаете; а я это не только знаю, но и чувствую. — Трещина въ камнѣ не заплываетъ никогда! — За чѣмъ же вы ко мнѣ такъ написали?

Пораженіе на душу человѣка совершается силою внѣшняго предмета. — Коль скоро по-

раженіе не потрясетъ, не проникнетъ всего состава, впечатлѣніе не сохранится и вскорѣ изгладится совершенно! Но коль скоро пламя найдетъ себѣ пищу, тогда сила его ростетъ непрестанно. — Отъимите то, что его питало, оно погибнетъ въ мигъ.

Вы еще говорите: есть женщины, которыхъ сильная страсть другова человѣка не только не ощастливитъ; но при всей ихъ привязанности наведетъ имъ какую-то заботливость въ томъ, что неувѣрена иногда женщина, составитъ ли она истинное щастіе того, кто къ ней привязанъ?

Добрый человѣкъ, и вы это ко мнѣ пишите? — Пусть такъ: мы будемъ разсуждать объ этомъ какъ будто о дѣлѣ постороннемъ. Вы совершенно справедливы, есть такія женщины, даже и мнѣ знакомыя! Но знаете ли, что ихъ на этотъ щетъ должно успокоить? Единственно то, когда отъ сердца такой женщины ни какое измѣненіе любви укрыться не можетъ.

Любовь при началѣ владычества своего обыкновенно скромна, молчалива, застенчива; но потомъ она часто показывается въ ви-

дахъ ей противныхъ. — Часто кротость ея примѣтна въ гнѣвѣ, въ ожесточеніи. — Иногда острая горячность ея скрывается въ наружной холодности, грусть въ притворной радости, громовое краснорѣчіе въ молчаніи. — Огненный взглядъ въ потупленныхъ взорахъ! Часто расправивъ крылья къ отлету вдругъ остановится, и въ видѣ прекрасной повилики навсегда обовьется около любимаго предмета.

Не пойметъ такихъ чудныхъ измѣненій тотъ, кто сердце при себѣ оставилъ, а дѣйствуетъ умомъ! — И тотъ можетъ позаботиться о благополучіи своего товарища. — Но два человѣка, слившіе сердца ихъ безъ всякаго почти изъясненія, понимаютъ другъ друга, и горе тѣмъ, съ которыми много говорить надобно! — Будучи вмѣстѣ не сойдутся они никогда!

Впрочемъ встрѣча людей зависитъ ли отъ размышленія? — Будьте въ томъ увѣрены Графиня, что человѣкъ, извлекающій изъ себя сердце въ жертву другому, слѣдуетъ невольно какой-то тайнѣ въ природѣ. — И гдѣ размышленіе впутается, тамъ часто всіо станетъ вверхъ дномъ вмѣстѣ съ премудрыми предположеніями человѣка!

Всіѣ благополучіе здѣшней жизни состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть почувствовать красоту, разсыпанную богатою рукою въ мірѣ, и найти такую душу, которая могла бы раздѣлить это чувство и срослась бы такъ сказать съ существомъ первой. — Не найдетъ человѣкъ такого благополучія? — Онъ будетъ какъ я. — Будетъ жить одинъ, будетъ въ себѣ самомъ отыскивать себѣ товарища, будетъ изсыхать въ какой-то жаждѣ. — Нераздѣленныя удовольствія, удовольствіями быть перестанутъ. — Нераздѣленное горе, нужда, забота усилятся и страданія умножатъ, и будетъ онъ такъ жить, доколѣ знакомыя пришедъ къ нему, найдутъ его бездыханнаго. — А тамъ? Память его въ сердцахъ ему любезныхъ какъ цвѣтокъ распустится; но и тутъ отцвѣтетъ, и отпадшія части его изчезнутъ!

Дай вамъ Богъ здоровья. — Я вижу пора мнѣ кататься ѣхать!

№ 18.

Декабря 28 го.

Я только тѣмъ и занимаюсь, тѣмъ и живу мой другъ, что къ вамъ пишу и объ васъ думаю.

На прошлой почтѣ послалъ я письмо къ Графинѣ, а теперь радъ бы писать опять, да совѣстно. — За то я пускаюсь на цѣлую поэму.

Дѣла дѣлать я не могу. — Куда ни появишся, — разговоръ такой пустой! Или о погодѣ, или о политикѣ, — несносно!

Человѣкъ, который мнѣ долженъ, сказалъ, что бы я привезъ вексель, а деньги у него готовы. — Покоенъ ли ты теперь? — Вотъ и дѣло мое кончено! — Я и вексель ему возвратилъ, а деньги получу послѣ! — Теперь пока я и безъ векселя и безъ денегъ! — Богъ съ ними!

Сегодня въ вечеру сидѣлъ я одинъ въ горенкѣ моей. — Вообразилъ, какъ Графиня въ это самое время занимается музыкою, какъ вы всѣ ее слушаете! — Я написалъ вотъ что:

Когда уединясь отъ смертныхъ
Ты, какъ животворящій Богъ,
Изсохшу дереву коснешся,
И вдругъ въ немъ жизнь и рѣчь родишь!
Когда волшебный стройный звукъ
Съ небесъ къ тебѣ любовь приводитъ; —
Какъ юный со гнѣзда орелъ
Взовьется къ Солнцу восходящу,
Въ воздушныхъ плаваетъ моряхъ;
Такъ жаждетъ духъ твой и стремится
Въ безмѣрный музыкальный міръ!
Когда Гармонической силой
Людей ты призывая къ жизни,
Ихъ безсловесными творишь!
И мысль безъ словъ изображая,
Велишь, какъ Ангеламъ безплотнымъ,
Тебя безмолвно понимать!
Почто тогда я не съ тобою?

Прости мой сердечный другъ. — Я здоровъ. Какъ мнѣ благодарить безцѣнную Графиню, что она меня помнитъ, и такъ утѣшительно ко мнѣ пишетъ!

№ 19.

Декабря 29 го.

Я получаю твои письма, — Графиня ко мнѣ пишетъ, — принимаетъ положеніе мое къ сердцу, — я къ вамъ пишу часто. — Отъ чего же я неблагодарный человѣкъ недоволенъ? — Я самъ ничего отчаяннаго, ничего страшнаго около себя не вижу, а всіо я безпокоенъ! Чего же я ищу? . . . .

Я на досугѣ прохожу всю жизнь мою, вспоминаю всѣ обстоятельства; а ты наставникъ мой великодушный позволилъ мнѣ обо всемъ говорить съ тобою, скажи мнѣ: отъ чего Графиня передъ отъѣздомъ моимъ нѣсколько дней была задумчива? — Я точно видѣлъ въ ней какую-то заботу. — Она говорила рѣдко, и часто за работою вздыхала.— Куда пойду, часто провожала меня глазами; иногда смѣялась, но притворно, по тому что часто болѣе смѣялась, нежели что того стоило; а часто, что въ самомъ дѣлѣ смѣшно было, тому она и не усмѣхнется! — И казалось, какъ будто занята она чѣмъ нибудь постороннимъ!

Другъ мой, не дивись моимъ пустымъ вопросамъ и пустымъ воспоминаніямъ. — Человѣкъ утопающій хватается за былинку! — Ты яснѣе меня видишь предметы, скажи мнѣ: но что ты мнѣ скажешь? .... Я часто одинъ въ горницѣ говорю ей громко: Ангелъ мой добрый! — Не оставь меня! — Вели, чтобы днемъ ни что меня не безпокоило, чтобы по ночамъ не терзали меня сны! — Отъ чего такъ мнѣ бывало легко, когда она говорила со мною? — А когда бывало молчитъ, или говоритъ со мною при другихъ, или говоритъ со мною такъ какъ съ другими, тогда раздраженное воображеніе мое такъ меня истязаетъ, какъ немилосердый, злой господинъ раба своего!

Другъ мой! — Я повторяю тебѣ: ты яснѣе видишь предметы; неволей милъ не будешь! — Всякой ли человѣкъ рожденъ любить такъ, что бы въ каждое мгновеніе быть сопутникомъ того, который его страстно любитъ?

Не только слово, не только видъ, съ которымъ оно сказано, часто вздохъ, иногда взглядъ одинъ безъ словъ объясняютъ испин-

ное положеніе сердца. — И ты, ты, мой другъ, развяжешь судьбу мою! — Какое это будетъ благодѣяніе!

Положеніе мое мнѣ тягостно! — Я кажется всемъ буду доволенъ, и неудачному твоему отвѣту обрадуюсь такъ, какъ заключенной въ тюрьмѣ радуется приговору судей своихъ, которые, истощивъ все терпѣніе подсудимаго, самой смерти желать его заставили.

Долголь мнѣ здѣсь жить? — Какая въ томъ польза? — Я тебѣ говорю: я никакихъ дѣлъ не дѣлаю, и дѣлать не хочу и не могу. — Другъ мой! возьми лучше меня къ себѣ. — Мнѣ будетъ легче, — право будетъ легче!

№ 20.

Декабря 31 го.

Я хотя часто бываю разстроенъ и умомъ и сердцемъ, какъ и вамъ не безъизвѣстно Графиня; а всіо помню, что вы мнѣ приказываете, и помню непрестанно, что есть люди, и люди такіе добрые, которые меня любятъ. — При этой прелестной мысли я похожъ на человѣка, въ дремучемъ лѣсу бродящаго и нашедшаго тропинку, ведущую его на свѣтъ!

Въ такомъ расположеніи я часто занимаюсь. — Но тутъ необходимо надобно мнѣ только то убѣжденіе, что я занятіе мое раздѣлю съ вами, а безъ того признаюсь ни за что приняться не могу. — И такъ въ тѣ минуты, гдѣ я свѣтъ вижу, вообразите себѣ Графиня, я написалъ *поэму!!!*

Вся эта поэма написана отрывками. — Натурально, кто пишетъ ночью со свѣчкой, можетъ ли продолжать свое занятіе, когда у него свѣчку отнимутъ? — Такъ-то и я, отнимутъ у меня свѣтъ, я сей часъ пишу: *конецъ такой-то пѣсни.*

Надобно вамъ знать Графиня, что какъ свѣтъ у меня непостояненъ, то и поэма моя недлинна; она начинается съ вечера и кончилась часу во второмъ, или въ половинѣ третьяго. — Вотъ это уже и слава Богу! — Днемъ она не могла начаться по тому, что здѣсь почти дня нѣтъ.

Пегасъ мой недавно мнѣ подаренъ. — Я не будучи славнымъ ѣздокомъ, и къ тому не зная вовсе его нрава, ѣду кое-какъ. — Гдѣ онъ пошарошится, побочится, тутъ я, признаюсь на немъ и зашатаюсь, а коли иногда вздумается ему прыгнуть — такъ я совсѣмъ съ него сойду и бреду пѣшкомъ, а его веду за поводъ.

Не взыщите же на мнѣ милой нашъ человѣкъ, что въ поэмѣ моей нѣтъ ни единства въ дѣйствіи, ни ровнаго хода. — Вы сами знаете, что я стихотворецъ по указу. — Впрочемъ мое дѣло изъ пристойности оговоришься, и потомъ исполнять волю вашу. — Естьлибъ я вздумалъ украшать себя чужимъ нарядомъ, а вы бы увидѣли, что платье у меня заемное, такъ оно вышло бы дурно, нехорошо. — Пусть это будетъ предисловіе

къ слѣдующей при семъ поэмѣ. — А поэма сама по себѣ пусть будетъ памятникомъ усерднаго и безпредѣльнаго моего къ вамъ повиновенія.

Завтра новой годъ, Графиня. — Дай вамъ Богъ здоровья. — Я щастья вамъ не желаю, по тому, что вы сами щастье. — Смѣю ли я желать чего нибудь съ новымъ годомъ? Хотя бы я былъ не такъ отъ васъ далеко! — А то право далеко я отъ васъ уѣхалъ! — Мѣсяцъ надобно времени, что бы словечко ваше услышать, и услышать уже въ то время, когда вы можетъ быть другое чувствуете и другое говорите!

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

ПОЭМА

въ 3хъ пѣсняхъ.

ПѢСНЬ 1я

Вечеръ, — Воро́ны, — Обозы, — Ночь и сны.

Лишь красно солнышко спустилось
Въ туманахъ розовыхъ за лѣсъ!
Зима какъ саваномъ покрылась,
Весь пышный блескъ ея изчезъ!
Вороны шумными стадами
Кружились съ крикомъ надъ снѣгами
И тучей сѣли на ночлегъ.
Летящій дымъ подъ облаками
Палъ съ стужи, и къ землѣ прилетѣлъ!
Гоняютъ въ домы всѣхъ морозы,
Покрышы инеемъ обозы
Спѣшатъ и ищутъ теплыхъ мѣстъ!
На черныхъ облакахъ, огромныхъ
Бездонна тьма окрестъ!
Въ кругу тѣней и сновъ безмолвныхъ
Вѣнецъ изъ звѣздъ!
Покровъ съ главы ея спущенный
Скрывалъ различны страхи блѣдны!
Летитъ!....
За ней все мретъ, все изчезаетъ;
Одна луна въ рукѣ блеститъ! —
И взору міръ напоминаетъ!
Летитъ! — Тутъ мѣсячнымъ лучомъ,
Какъ очарованнымъ жезломъ,
Творитъ она чудесъ громады:

Гдѣ лѣсъ былъ, тамъ явились грады,
Гдѣ облака, тамъ горъ хребетъ!
Вліяніемъ волшебной силы
Стоящи пни людьми ходили,
Змѣями зрѣлся звѣздъ полетъ!
Сошла: и сны какъ вихри скоры
Надѣвъ волшебные уборы
Порхали какъ нетопыри;
Иныхъ людей сіи проворы
Изъ нищихъ ставили въ Цари!
Съ другими и въ тюрьмѣ и въ горѣ
Они рѣзвились до зари!
А тутъ въ кровати златотканной,
Гдѣ въ легкомъ пологѣ сквозномъ,
Какъ роза на зарѣ румяной
Раскинулась краса тайкомъ,
Вдругъ выросъ темный лѣсъ дремучей,
Въ которомъ хитрый сонъ, подъ тучей
Межъ дебрей затерялъ красу!
Объемлетъ страхъ! — одна въ лѣсу!
Бѣжитъ, и чрезъ кусты колючи
Кричитъ невѣрному: постой!
Но сонъ изчезъ. — На крикъ такой
Услужница ея въ тревогѣ
Вспрѣчаетъ въ спальнѣ на порогѣ
Улыбку красоты съ слезой!.....

Конецъ 1 й лѣсни.

ПѢСНЬ 2я.

Вечернее катанье. — Вѣстникъ. — Объявленіе. — Маскерадъ. — Встрѣча зимы.

Лишь только кончился обѣдъ,
Лишь золотистый лунный свѣтъ
Зажегъ въ снѣгахъ несчетны звѣзды,
Лишь стали учреждать разъѣзды,
Кому за кѣмъ катиться въ слѣдъ, —

Смотримъ! въ иніяхъ пушистыхъ
Въ хватской шапкѣ съ молодца,
Кудри въ кольцахъ серебристыхъ,
Свѣжи розы, цвѣтъ лица!
Борода его густая,
Кисть бурмицка жемчугу;
Шуба теплая большая
Побѣлѣла вся въ снѣгу.

На тройкѣ злой, молніеносной
Стремится вѣтромъ вѣстникъ грозной
Какъ на орлѣ о двухъ главахъ!
Въ ухабахъ снѣжныхъ и буграхъ
Казался онъ на облакахъ!
Лишь прилетѣлъ, единымъ словомъ
Остановилъ всю тройку въ мигъ!
Съ надежнымъ видомъ и суровымъ
Онъ кинулъ возжи на лихихъ,
Отрясся, и проворно
Самъ прямо побѣжалъ къ намъ въ домъ!
Кони быстрые какъ громъ
Стояли кротко предъ крыльцомъ,
Лишь дымъ отъ нихъ валилъ столбомъ!
Но какъ ни зрѣлися покорны,
Они снѣдалися огнемъ;
То слѣдъ копытамъ разгрѣбали
И жаркой мордой снѣгъ хватали;

То другъ о друга опирали
Кровавую пѣну съ броздъ со льдомъ!

Вѣстникъ въ дверь вошелъ уборну
И волочитъ изъ сумы
Объявленіе зимы:
„Что бы всѣ тогда жъ безспорно
„Одѣвалися проворно
„Къ ней самой на маскерадъ.
„Буде жъ кто хотя украдкой
„Не приѣдетъ на парадъ,
„Занеможетъ лихорадкой,
„Будетъ бѣгать и дрожать.
„Естьлижъ кто отговорится,
„Тотъ не будетъ жизни радъ:
„Или носа онъ лишится,
„Или пальцовъ, или пятъ!“

Всѣ тутъ вѣстника встрѣчаютъ
Кто съ усмѣшкой, кто съ слезой;
Рѣзвыхъ бѣговъ впрягаютъ,
Суетятся! шумъ такой!
Кто явился вдругъ лисицей,
Кто медвѣдемъ, кто куницей,
Волкомъ, зайцомъ, кто бобромъ;
Кто же соболемъ быть чтился,
Но не такъ на свѣтъ родился,
Тотъ собольимъ сталъ хвостомъ!!!

Дамы въ хитрости шупливой
Зная нравъ зимы ревнивой,
Укрывалися тишкомъ.
Въ бархаты, парчи узорны,
Прелести легли покорно
И дышали тамъ тайкомъ!

Дворня наша и лакеи,
Видѣвъ барскія затеи,
Превратилися въ овецъ!
Изъ конца они въ конецъ

Стадомъ бѣгали проворно,
Жались, суетились вздорно. —
Домъ нашъ сущій сталъ Дворецъ!
Я же вашъ слуга покорный
Просто былъ тогда Песецъ!

Мы сѣли въ сани наконецъ!
Лихіе пристяжные дыбомъ
Поднявшись въ нашъ веселый путь
Взвились и шей крутыхъ съ нагибомъ
На гривахъ съ визгомъ вѣтръ несутъ!
Летѣли всѣ, лишь пыль морозна
Гналась за нами вьюгой грозной
И падала на слѣдъ санной
Въ сіяньи лунномъ золотой;
А вѣстникъ рѣзвый нашъ вожатый
Съ своею сумкой на груди
Сопровождалъ сарынь крылату
Удалой пѣсней въ переди.

Чѣмъ далѣе мы такъ катались,
Тѣмъ болѣе казалось намъ,
Что всѣ на праздникъ снаряжались
Суля по общимъ суетамъ. —
Спѣшатъ въ одеждахъ маскерадныхъ
Кто званъ, кто не званъ безъ чиновъ!
Иной оленей впрягъ нарядныхъ
И ѣдетъ со щитомъ роговъ;
Иной запряг четверку псовъ,
Къ санямъ исправно привязался,
Дабы духъ съ тѣломъ не разстался,
Когда въ ухабахъ гдѣ качнетъ!
Иной надѣлъ баранью кожу
И молодость свою пригожу
Въ снѣгахъ цвѣтущую поетъ! —
Одни крестьянскіе мальчишки
Въ рубашкахъ, босикомъ,
Подкорчивъ въ рукава ручишки
Рѣзвились по снѣгу пѣшкомъ!

Верстъ пять иль шесть мы пролетѣли,
Вдругъ вѣстникъ закричалъ намъ: стой!
Косматы встрѣчу намъ метели!
Въ пушистыхъ шапкахъ снѣгъ сѣдой!
Горами льды идутъ какъ тучи,
Морозы свищутъ маршъ скрыпучій,
Везутъ изъ иніевъ шатры,
Въ шатрахъ различные дары:
Жемчугъ, алмазы и румяны,
Серебреныя теплы ткани
И всяки зимнія мохры.

За сею чудной вереницей
Медвѣдей бѣлыхъ шестерикъ
Тащитъ сидящій во свѣтлицѣ
Сѣдой, хохлатой зимній ликъ!
За нимъ идетъ съ косой старикъ!
За нимъ забавы полосою:
Тамъ идутъ шуты, плясуны
Гордяся чудной пестротою;
Потомъ въ попонахъ бѣгуны. —
Тамъ фонари несли пустые,
Гдѣ за копѣйку вечеркомъ
Иной поставитъ міръ въ верьхъ дномъ!
Въ очкахъ ворожеи сѣдыя,
Въ капотахъ и въ большихъ чепцахъ
Шли къ святкамъ съ картами въ рукахъ!
Какъ версты вечера предлинны,
Въ шумящихъ свѣтлыхъ епанчахъ,
Несли музыку и перины
И плошки въ страшныхъ коробахъ!
Потомъ весь поѣздъ замыкали
Билеты, что зовутъ на балы,
Которы въ кованомъ ларцѣ
Крылатый мальчикъ несъ въ вѣнцѣ.

Такъ ѣхала зима богата
Въ народный пестрый маскерадъ!
Какъ ни стара, какъ ни хохлата,
А былъ у ней боярскій взглядъ!

На окошко ль взоръ возводитъ?
Вдоль стекла ростутъ цвѣты. —
Ко рѣкѣ ль она подходитъ?
Зеркальны стоятъ мосты.
Лишь къ деревьямъ обратился
Блѣдный сей старухи ликъ,
На деревьяхъ очутился
Круглый, пудреный парикъ!
Словомъ: всѣ, всѣ ей покорно. —
Но заразы благотворны
Хоть равно ко всѣмъ лились
И ласкали одинако;
Не подумайте однако;
Чтобъ нескромные вились
Околъ ней неосторожно,
Было дѣло не возможно
Подойти къ зимѣ слегка;
Кто же такъ и похрабрился,
Не легко тотъ расплатился
Ставъ предъ ней безъ языка!
Наконецъ . . . . . .

Тутъ стихотворецъ сталъ въ пѣнь и кончилъ вотъ какъ:

Мы пріѣхали домой. — Праздникъ этотъ далъ одинъ богатый купецъ здѣшній. — Мы поблагодарили хозяина. — Начался балъ, и такъ да будетъ:

Конецъ 2й пѣсни.

ПѢСНЬ 3я.

Освѣщеніе домовъ. — Вечеринка. — Музыканты. — Пляска. — Матушки. — Дочки. — Игра. — Лимонадъ.

Домы фонарями стали,
А на улицахъ огни;
Всѣ въ нарядахъ разъѣзжали
Пляски въ горницахъ одни;
Пляски по снѣгу другія,
Безъ музыки гдѣ иныя
Въ рукавицы золотыя
Били въ славу зимнихъ дней!
Шумъ, веселье, хорны пѣсни!
Въ гости ѣздятъ изъ гостей!
Улицы казались тѣсны
Отъ летающихъ саней!
Всѣ прелестны вечеринки
Нарядились какъ картинки,
Въ плошкахъ всякая цвѣла. —
Но признаться по неволѣ
Наша, какъ штатсъ-Дама въ полѣ
Предъ пастушками была! —

У насъ полдюжины усатыхъ музыкантовъ
Изъ отставныхъ солдатъ,
Одѣтые какъ въ строевый нарядъ,
Отличнѣйшій народъ изъ полковыхъ талантовъ,
Скрыпѣли по струнамъ
Заморски танцы безъ умолку!
Ревнуя музыкальну толку
Они бранились по часамъ,
И топали другъ передъ другомъ;
Но старшій наконецъ надъ голосистымъ кругомъ,
Прижавшись къ скрипкѣ бородой,
Такъ залился и поднялъ визгъ такой,
Что въ мигъ построился порядокъ плясовой!

Летуча молодіожъ за ними
Украшенна цѣпьми златыми
Въ прозрачныхъ флерахъ, кружевахъ,
Вѣнки цвѣточные въ кудряхъ
Вилась какъ въ легкихъ облакахъ!
А мальчикъ тотъ крылатый,
Который шелъ въ вѣнцѣ
И бальные билеты несъ въ ларцѣ,
Какъ хозяинъ шароватый
На балѣ угощалъ, и дѣвушекъ училъ
Безъ страха, безъ громоносныхъ силъ
Единымъ взоромъ
Мущинъ въ былинки превращать,
Иль кружевнымъ узоромъ
Запутать сердце, умъ связать!
Мущинамъ говорилъ другое,
Но что такое
Тамъ было не слыхать.

Румяны матушки сидѣли,
На собенокъ глядѣли
И подъ тишкомъ
Глазкомъ
То иногда тычкомъ
Учили дочекъ наряженныхъ,
Какъ сердце хоронить въ косынкѣ иль въ цвѣтахъ!

Въ другихъ покояхъ освѣщенныхъ,
На ломберныхъ столахъ,
На плитахъ карточныхъ картинкой покровенныхъ
И денежныхъ мѣшкахъ
Задумавшись въ лицѣ, какъ испитая,
Разсѣлася игра сѣдая
Звуча богатымъ кошелькомъ! —
Среди гостей стоящихъ близъ ея кругомъ,
Которыхъ золото прельщало
Царица королей и краль
Крылатая судьба стояла,
Волшебной кистью рисовала

На лицахъ радость, гнѣвъ, печаль. —
Иныхъ публично раздѣвала,
Другимъ дарила златъ нарядъ. —
Прислуга между насъ мѣлькала,
Носила фрукты, виноградъ
И горы сахарны и вкусный лимонадъ.

И тутъ опять стихотворецъ приписалъ, что потомъ всѣ разъѣхались по домамъ. — И такъ это

Конецъ 3й и послѣдней пѣсни.

№ 21.

Декабря 31 *го.*

Я отправилъ къ Графинѣ шутошную и безтолковую поэму. — Ты увидишь другъ мой, что въ 3й пѣсни описанъ балъ. — Какъ не охотникъ до танцовъ, я прижался въ уголокъ съ однимъ добрымъ старичкомъ и проговорилъ съ нимъ всѣ время. — Мнѣ показался разговоръ его замѣчанія достойнымъ съ той стороны, что старичокъ мой коренной Руской, безъ всякаго отличнаго воспитанія и человѣкъ ни чуть не ученой.

Надобно тебѣ знать, что онъ изъ богатыхъ купцовъ здѣшнихъ, былъ въ чужихъ краяхъ давно, ходитъ что они называютъ въ Нѣмецкомъ платьѣ, то есть: въ синемъ сертукѣ и красной платокъ на шеѣ; коротенькіе сѣдые волосы зачесанные назадъ; въ лицѣ изображалось свойство веселое, въ сверкающихъ глазахъ умъ и пламенная чувствительность. — По его словамъ ему 72 года; но видъ, походка, живое изъясненіе скрадывали долголѣтіе, и ему, казалось мнѣ, лѣтъ 50 не больше.

Живучи много и во многихъ мѣстахъ, кружась долгое время по дѣламъ своимъ въ столицѣ между людей случайныхъ и сильныхъ, онъ не былъ однако похожъ на человѣка поклонника свѣту; и свѣтъ не привилъ ему ни правилъ своихъ, ни обхожденія. — Онъ не разсыпалъ изрѣченій притворною вежливостію надутыхъ, и не былъ дерзокъ въ поступкахъ, не обогащалъ рѣчи своей надменными и отборными словами, и чужаго и начитаннаго ума въ разговоры свои не вставлялъ; напротивъ того-онъ былъ въ обхожденіи весьма вѣжливъ, но болѣе по тонкости чувствъ сердечныхъ, нежели по раболѣпному подражанію иноземцамъ; въ поступкахъ скроменъ и искренекъ, а въ рѣчахъ сколько простотою, столько же твердымъ порядкомъ мыслей, и силою подлиннаго ума отличался.

Внимательно смотрѣлъ онъ на рѣзвость молодіожи, удовольствіе было на лицѣ его, при всякой пріятной шуткѣ или забавной нечаянности билъ въ ладоши; подчивалъ меня, спрашивалъ, не надобно ли мнѣ того, другова, и наконецъ вошелъ со мною въ разговоръ довольно пространной.

Сколько у насъ головъ добрыхъ, въ глуши живущихъ! Это невѣроятно! — Замѣчая многое въ жизни, мнѣ право иногда видятся такія сѣмена на Русскомъ полѣ, которыя обѣщаютъ великую славу неподражаемому сему народу!

Разговоръ мой съ старикомъ:

Старикъ.

Куда какъ я люблю, когда соберется молодіожъ да веселится! — Незнакомыхъ нѣтъ; всѣ такъ свободны! — Мы здѣсь сударь всѣ другъ другу извѣстны, знаемъ, чѣмъ кто занимается и какъ живетъ. — Истинно большое удовольствіе!

Я

Это удовольствіе можетъ только существовать въ маленькомъ городѣ, но гдѣ людство многочисленно, тамъ по необходимости общества составляются изъ людей неизвѣстныхъ и незнакомыхъ.

Старикъ.

За то сударь тамъ и проказъ больше. — За то кто ѣдетъ на публичной балъ, тотъ ѣдетъ на площадь, и часто скучаетъ, что по

какой то единой пристойности ѣхать туда долженъ. — По нашему просто сказать; эти вечеринки заводятся вѣдь для того, чтобъ молодые люди повеселились, а мы бы на нихъ глядя радовались. — Въ публичныхъ балахъ эта цѣль не достигается; въ нихъ со всѣхъ сторонъ больше опасности, нежели веселья.

Я

За что вы такъ невыгодно о публичныхъ собраніяхъ заключаете? — Предметъ публичнаго собранія обширнѣе и важнѣе, смѣю сказать, того, какой можно положить въ вечеринкѣ, изъ небольшаго числа пріятелей составленной.

1е) Вы сами знаете, что по мѣрѣ разширенія понятій, умножаются страсти, разныя отношенія въ обществѣ, а съ ними дѣла. — Умноженіе дѣлъ требуетъ опять различныхъ отношеній къ людямъ, различныхъ съ ними связей. — Не всякой человѣкъ согласится безпокоить хозяина въ домѣ; не всякой въ состояніи принимать къ себѣ многихъ. — Въ одинъ вечеръ человѣкъ увидитъ всѣхъ, до кого ему нужда; иначе онъ бы долженъ былъ тратить для того цѣлую недѣлю.

2е) Молодіожъ встрѣчается тутъ съ тѣми, кого судьба кому готовитъ. — Не одни же знакомые должны принадлежать другъ другу.

3е) Въ публичныхъ собраніяхъ очищается обращеніе; разумъ, имѣя случай отвѣтствовать большому числу людей чужихъ, приучается къ осторожности и къ понятіямъ прямымъ и чистымъ.

Тутъ старикъ мой будучи нрава живаго и въ обхожденіи крайне простъ, зажалъ себѣ уши и вскочилъ со стула.

Старикъ.

Ахъ батюшка, что вы это мнѣ говорите! — Я по Французски не учился, а живу долго, и жилъ много; долго жилъ я въ столицахъ и бывалъ часто въ собраніяхъ публичныхъ, искалъ въ нихъ удовольствій сердечныхъ, которыя, какъ вы сами увѣрены, однѣ и есть, но скажу не обинуясь, виноватъ, во множествѣ людей всякихъ, кромѣ пустоты, не нашелъ я ни чего.

Мы сударь люди не ученые. — По нашимъ простымъ понятіямъ мы разумѣемъ, что корень публичныхъ собраній взялся отъ иноземъ-

цевъ. — У нихъ я думаю завелись они по недостатку и по разчету, то есть, что бы моя копѣйка не перешла за васъ. — Вотъ насъ примѣрно 100 человѣкъ, мы сложимся по рублю съ брата, наймемъ домъ. — Каждый веселится у себя, и никто никому не обязанъ, никто никому не благодаренъ.

Будемъ теперь говорить сударь такъ, хорошо ли это, или дурно? — По нашему по просту: чѣмъ болѣе нашъ братъ человѣкъ думаетъ, что онъ ни чѣмъ никому не обязанъ; чѣмъ болѣе равнодушенъ онъ къ уваженію другихъ, тѣмъ хуже. — Кто одну свою пользу, одно свое удовольствіе ставитъ въ цѣну, тотъ по нашему никуда не годится. — И вотъ отъ чего въ публичныхъ бесѣдахъ не увидишь ни той связи, ни того удовольствія, на взаимномъ почтеніи основаннаго, безъ которыхъ всякое собраніе, торговой площади подобно.

Что про молодыхъ людей вы говорить изволите, то въ моемъ понятіи публичныя собранія для нихъ не только безполезны, но несомнѣнно вредны, по двумъ яснымъ причинамъ.

1е) Молодые мущины, будучи въ гостяхъ у себя собственно, натурально позволяютъ себѣ больше, нежели у хозяина, котораго бы они почитали.

2е) Молодыя дѣвушки замѣчанія достойныя или по наружности, или по уму, приходятъ въ извѣстность, и содѣлываются предметами рѣдко добрыхъ, но чаще злыхъ разговоровъ; а тѣ, которые вниманія не привлекаютъ, становятся предметами презрѣнія и насмѣшки.

Что мнѣ за радость подвергать дочь мою той или другой участи!

Вѣрьте мнѣ сударь: кто кому надобенъ и кто чей быть долженъ, тотъ того найдетъ и на днѣ морскомъ. — У насъ пословица Русская: *суженова конемъ не объѣдешь!*

Скажите мнѣ, что приличнѣе скромной дѣвушкѣ или женщинѣ, какъ скромные на ея щетъ отзывы? — Больше скажу: какъ та неизвѣстность, которая, доказывая тишину ихъ жизни, доказываетъ вмѣстѣ или безцѣнное безмолвіе неприкосновеннаго сердца дѣвушки, или наслажденіе ввѣреннаго сердца женщины.

Въ моемъ разумѣ дѣвушка тоже, что цвѣтокъ: ростетъ онъ въ защитѣ? — Тогда обратясь къ лучу солнечному, разцвѣтетъ въ ти-

шитъ, явится во всей природной красотѣ своей, и будетъ прельщать человѣка чувствующаго.

Выростетъ на людной дорогѣ, тогда вѣтръ, пыль, всіо его побивать станетъ, доколѣ наконецъ какой нибудь прохожій погубитъ его навѣки!

Простите сударь мою болтливость, — я отецъ.

Старикъ мой вздохнулъ, коснулся платкомъ къ глазамъ своимъ и продолжалъ такъ:

Вы изволите говорить: публичныя собранія нужны въ томъ случаѣ, что ускоряютъ отношенія людей по дѣламъ; способствуютъ къ образованію связей; воля ваша: я и тутъ не такъ думаю: былъ я самъ въ дѣлахъ во весь вѣкъ мой. Очень не разсчетливъ тотъ, кто принимается за дѣла, требующія обширныхъ отношеній и разновидныхъ связей! Такія дѣла, вѣрьте мнѣ старику, непрочны, по тому что зависятъ отъ страстей многихъ. Сколько мнѣ удалось извѣдать изъ опыта: важнѣйшія дѣла успѣшны въ маленькомъ кружкѣ людей способныхъ и нравственности извѣстной; а такихъ людей я на площади искать не буду.

Что публичныя собранія не очищаютъ обращенія, доказываетъ то приторная и надутая вѣжливость, и присутствіе въ нихъ полиціи.

Таковы милостивый Государь всѣ мои понятія по сему предмету, а заключеніе вотъ какое:

Гдѣ я не увѣренъ въ нравственности людей меня окружающихъ, тамъ:

1е) Всякое невольное изліяніе сердца, всякую откровенность, отказать я себѣ долженъ; съ этимъ вмѣстѣ лишаюсь великаго удовольствія въ жизни,— а жить не два вѣка будемъ!

2е) Пути, къ супружескимъ связямъ ведущіе, наполнены оврагами и самыми пропастями, гдѣ кроются всякаго рода ядовитыя животныя.

3е) Крайняя невѣрность въ отношеніяхъ дѣльныхъ, а съ этимъ коварные обманы, раззоряющіе человѣка до той степени, пока какой нибудь добрый товарищъ нашедъ его умершаго, закажетъ ему гробъ Христа ради!

Одна по мнѣнію моему въ нихъ необходимость и та въ Царскихъ чертогахъ, и у публичныхъ людей, Государственной службѣ

принадлежащихъ. — Но это до насъ не касается.

Я вамъ наскучилъ батюшка, простите мнѣ; я кажется давно живу на свѣтѣ, а сердце у меня какъ-то не старѣется, — и слава Богу! — Съ этимъ огромнымъ запасомъ я не боюсь самой смерти. — Весь мой вѣкъ я любилъ. Съ симъ біющимъ источникомъ я радъ, -когда будетъ Господу угодно!

№ 22.

Генваря 6го.

Надобно же, чтобъ такъ судьба опредѣлила! — Не успѣю успокоить духъ мой, новая волна застилаетъ другую!

Ты получилъ письма мои и ничего на нихъ не отвѣчаешь. — Пишешь, что пріѣхалъ къ Графинѣ какой-то ея дядя, и съ нимъ молодой человѣкъ — сынъ Министра, — Графъ, — Камергеръ! — А мнѣ что до нихъ нужды? и что мнѣ до того, что этотъ молодой человѣкъ у васъ не останется, а поѣдетъ далѣе? Въ чемъ ты меня успокоиваешь? — Что тебя принудило писать ко мнѣ наскоро и только объ этомъ? — Естьли ты пишешь для того, чтобъ я не узналъ о томъ стороною, то ты можешь быть увѣренъ, что я и по твоему письму ничего не знаю, да и знать не хочу, и слушать никого не хочу!

Графинѣ писать ко мнѣ нѣкогда? Богъ съ ней!

Знатность, богатство, отличія! — Какіе вы злодѣи тѣмъ, которыхъ одно сердце ведетъ

къ истинному щастію! — Какіе огромные камни преткновенія ставите вы на пути ихъ — Прелестные призраки, возвышеніе, роскошь, изобиліе! Вы всіо покорили!

Часто чувство сердечное, слово искреннее, уподобляются музыкальному звуку, который обнявъ всѣ силы душевныя изчезнетъ, и въ одномъ біеніи сердца оставитъ жизнь у человѣка! — Не ужель Графиня болѣе писать ко мнѣ не будетъ? — Я мой другъ ѣду, дождусь одного еще письма твоего и рѣшусь, поѣду, — наставникъ мой, другъ мой! — Поѣду! — О бѣдное животное! — Знаешь ли ты куда собираешся?

№ 23.

Генваря 9го.

Въ томъ аду, гдѣ я нѣсколько дней томился въ непрестанныхъ мукахъ, гдѣ самые сны мои превращались въ тѣней, меня грызущихъ, я услышалъ голосъ Ангела избавителя моего! — Мнѣ нѣкогда тебѣ писать другъ мой. — И сердце и слово не могутъ отдѣлиться отъ того источника, который оживилъ ихъ. — Вручи это письмо Графинѣ.

№ 24.

Генваря 9го.

„*Не грусти,-вѣрь мнѣ, что не всегда по-*
„*койны тѣ, которые покойными кажутся!* —
Ты не одинъ. — „Вотъ золотыя слова твои сердечной человѣкъ! — Я ихъ самъ себѣ повторяю безпрестанно и повторять буду во всю жизнь мою — Ангелъ души моей! Я не одинъ? — Какъ? *ты, я,* не два уже слова между нами? — Я не одинъ! — Но кто же со мною? — Кто я? — Женщина прелестная! — одною силою твоего сердца я чувствую, и чувствую одно только то, что нѣтъ меня!

Непостижимая волшебница! — Скажи мнѣ, откуда такой проницательной огонь въ словахъ твоихъ? — Откуда такой голосъ, извлекающій душу? — Я былъ на краю бездны, голова у меня кружилась; ты, ты меня остановила. — Кто меня выше? — Кто меня щастливѣе? Научи меня, развяжи языкъ мой, какъ мнѣ тебѣ сказать, что со мною было? — И что со мною стало? —

Какія силы небесныя могутъ такъ мгновенно оживотворять, какъ оживляетъ человѣка одинъ взглядъ твой? одно твое слово?

Сотворивъ меня изъ ничего, ты мнѣже отдаешь и твое сердце! — И ты готова жизнь раздѣлять со мною! — Возьми меня прелестное созданіе! — Пойдемъ, пойдемъ вмѣстѣ по распутіямъ жизни, соединеніе воспламененныхъ душъ покоряетъ міръ! — Напасти намъ будутъ легки! — Радости живѣе! — Удовольствія продолжительнѣе! — Я покой твой охранять буду. — Каждый твой вздохъ я сочту, и разведу его въ моемъ сердцѣ; я цѣлую жизнь мою буду выискивать тебѣ наслажденій; но за чѣмъ я увѣряю? — Испытывай меня! — Душа моя открыта предъ тобою. — Войди въ мои мысли, въ мои желанія, въ мои виды, вездѣ ты себя увидишь, и кромѣ себя ни съ кѣмъ, и ни съ чѣмъ не встрѣтишся!

Теперь я покоенъ! — Грустить мнѣ не о чемъ. — Я съ тобою, — и тамъ, гдѣ тебя нѣтъ, я съ тобою! — Въ воздухѣ ты меня питаешь! Въ солнечныхъ лучахъ согрѣваешь ты! — Скажи волшебница, скажи, какъ умѣла ты всіо

украсить и быть вдругъ и вездѣ? — Я вездѣ тебя вижу!

Нѣтъ, не хочу болѣе употреблять въ письмахъ моихъ званія Графини! — Молодой человѣкъ къ вамъ пріѣхавшій — Графъ! И что надутыя титла мірскія въ сравненіи съ прямымъ достоинствомъ сердца? —

Щастье мое такъ совершенно, такъ незапно, что я не могу еще къ нему приноровиться! Представь, до какой степени суетная премудрость міра порабощаетъ человѣка! — Я не смѣю говорить съ тобою тѣмъ языкомъ, какимъ говоритъ человѣкъ съ своимъ создателемъ! — Я какъ-то опасаюсь откинуть тщетныя выраженія вѣжливости, и въ словахъ чистыхъ изліять огонь сердечный! — Мнѣ еще слышатся звуки тѣхъ цѣпей, въ которыхъ долженъ я былъ говорить языкомъ заемнымъ! — Какъ я остерегался, какъ наблюдалъ, чтобъ мнѣ какъ нибудь не оскорбить власти твоей надо мною! — Ахъ какая тяжесть! — Какая забота! — Украдкою иногда сердце вырывалось и говорило; но безцѣнная душа твоя не обвиняла за невольное преступленіе. — Теперь! — Ты разрѣшила гре-

ступника твоего! — Отъ одного твоего слова разпались узы мои! — Сердечный человѣкъ! Какъ орелъ къ солнцу, духъ мой паритъ стрѣлою, наносящею всякой встрѣчѣ смерть!

Не подивись однако душа благодѣтельная, что я иногда долженъ буду говорить съ тобою такъ, какъ говорятъ со всѣми. — Злодѣи есть вездѣ! — И можетъ быть въ той самой горницѣ, гдѣ живетъ мое щастіе. — Вдругъ перестать писать не льзя. — Я не хочу дать такого торжества можетъ быть и многимъ! — Писать иначе? — Было бы не поберечь того, кто меня спасъ!

Точно ли я получилъ письмо твое, котораго начитаться не могу? — И въ какое время? — Когда вокругъ тебя и пышность, и богатство, и знатность, и красота, и молодость, стоятъ въ подобострастіи и ожидаютъ единаго твоего мановенія! — Когда я, простой, бѣдный смертный, единой тобою сущій, безъ всякаго отличія въ мірѣ, сосланный за 2,000 верстъ отъ твоего благотворнаго жилища, въ горѣ, въ страданіи, день и ночь хожу, и ищу къ тебѣ тропинки! —

Ты меня одна выше всѣхъ поставила! — Гордись твоимъ дѣломъ. Владычица! — Узникъ

твой дышетъ тобою! — Твое щастіе есть щастіе его! — Оно такъ устроилось въ его сердцѣ, что и гнѣвъ его онъ любитъ; казнь отъ него посланную онъ приметъ съ усмѣшкою; пожирающимъ его огнемъ онъ питаться станетъ, и горячимъ пепломъ въ немъ же останется!

Я не умѣю ничего сказать тебѣ болѣе, не хочу тебѣ сказать *прости;* не терплю этаго слова: въ немъ я вижу смерть, а въ звукѣ его мнѣ слышится стонъ!

P. S. Я послалъ это письмо къ другу моему, онъ вручитъ его. — Нетерпѣливо жду обѣщаннаго другаго! — Какой я неблагодарный, мнѣ уже становится здѣсь несноно!

№ 25.

Генваря 11 го.

Я щастливъ, свободенъ духъ мой! — Ты мой благотворитель! — Я направлю крылья къ вамъ, и не знаю, долголь здѣсь пробуду. — Увѣдомь меня другъ мой, когда ты отдалъ Графинѣ письмо мое? — Что она тебѣ сказала? — Скажи мнѣ, что моя старушка мать? — Что со мною сдѣлали за просрочку по службѣ? — Не помню, писалъ ли я когда объ этомъ.

Что ваши гости? — Каковъ человѣкъ дядя Графини? — Весела ли она? — Естьли письмо твое не застанетъ меня здѣсь, я устрою такъ, что оно неминуемо до меня дойдетъ.

Милой мой другъ! — Она ко мнѣ написала: *не грусти, ты не одинъ.* — За чемъ я не съ вами? — Я бы радъ былъ увидѣть дядю Графини. — Съ сердцемъ человѣкъ идетъ одинъ на медвѣдя. — Щастье человѣка перераждаетъ; и громъ его обходитъ! — И кремни-

стыя горы трещатъ подъ его ногами!—Прости, мнѣ нѣкогда. — Дѣла мои подобны тѣмъ просителямъ, которые накопившись у дверей знатнаго человѣка, вдругъ всѣ бросятся, когда ихъ отворятъ и знатный человѣкъ къ нимъ показаться изволитъ!

№ 26.

Генваря 14 го.

Я здѣсь въ вѣчной зимѣ, а мнѣ кажется я среди лѣта. По приказанію вашему я часто пишу стихи, которые неминуемо должны быть у васъ Графиня. — Что я послушенъ доказываетъ то цѣлая поэма къ вамъ отправленная. — Я на терпѣніе не имѣю права; мое дѣло написать, а ваше пустъ будетъ хотя въ огонь славныя мои сочиненія отправить,— я всіо доволенъ буду, и съ этой стороны я кажется природной стихотворецъ. — Впрочемъ ваша Малиновка поетъ у васъ и въ клеткѣ! — Я хотя не малиновка, и не такъ пою, какъ она; но пусть я буду снигиремъ вашимъ, онъ не поетъ, а скрыпитъ; вы однако точно такъ объ немъ печетесь, какъ и о другихъ птичкахъ, вами живущихъ.

Не могу я привыкнуть къ холоду. — Воля ваша, когда мнѣ весело, я непремѣнно переношу себя въ *Богородское*, и тогда воображаю, какъ бы я провелъ цѣлой день съ вами; воображаю:

Лишь солнышко всходить начнетъ;
Подъ ваши тополы сребристы,
Гдѣ свѣтлый ключъ съ горы течетъ,
Пойдутъ крестьянки голосисты
Съ веселымъ шумомъ за водой;
Хоръ птицъ, и соловьи рѣчисты
Въ кустахъ цвѣточныхъ подъ горой
Прольютъ отраду и покой;
Въ деревнѣ трубы задымятся,
Застонетъ грохотъ жернововъ,
Скрыпятъ вороты, суетятся,
Стада скопляются съ дворовъ. —
А я подъ грушей горделивой,
Которая при васъ растетъ,
Дождусь, когда вашъ сонъ шутливый
Откроетъ въ спальнѣ вашей свѣтъ,
Тогда пойду ходить за вами,
И по росѣ между цвѣтами
Всмотрюсь, какой у щастья слѣдъ!
Потомъ настанетъ полдень ясный,
Приляжетъ вѣтерокъ въ листахъ,
Шумъ стрекозы и мухъ всечасный;
Тоска и жаръ въ поляхъ, лѣсахъ!
Сгущенный воздухъ синеватый,
Покрывъ окрестности богаты,
Представитъ ихъ сквозь знойный дымъ!
Тогда волнамъ вы золотымъ
Прикажете вкругъ васъ обвиться,
И ручеекъ поторопиться
Прижаться къ щастью подъ горой!
Стада забывъ свою свободу
Отъ насѣкомыхъ станутъ въ воду;
Пастухъ уйдетъ подъ кустъ густой;
На пашнѣ плуги распряженны,
Семьею пахарь окруженный
Въ тѣни пьетъ съ жаждой молоко! —
Но мнѣ при васъ и въ жаръ легко!
Я побѣгу въ предѣлы злачны,

Гдѣ зрѣетъ сочныхъ тьма плодовъ;
И тѣ, изъ коихъ сокъ прозрачный
Течетъ какъ чистый медъ съ сотовъ;
Которыхъ смуглость красноватую
Покроетъ иній синеватый,
Тишкомъ сорвавъ, поставлю тамъ,
Обѣдъ гдѣ изготовленъ вамъ.
Потомъ и солнце закатится!
Вспорхнетъ прохладный вѣтерокъ,
Столбомъ комаръ начнетъ толпиться,
Пастухъ созоветъ стада въ рожокъ;
Волы, работой утомленны
Съ плугами побредутъ домой;
Лѣтами старичокъ согбенный,
На лавкѣ сидя предъ избой
Разспроситъ молодежъ родиму
Про полосу свою любиму:
Удачно ль рожь на ней цвѣтетъ?
А вы пойдете лишь къ покою,
За вами смеркнетъ тихій свѣтъ!
Подъ темной синевою
Межъ звѣздъ луна взойдетъ!
Далеко за рѣкою,
Какъ будто голосъ чей
Зоветъ ушедшихъ въ лѣсъ коней;
Блестящій слышится ручей!
И надъ водою
Соловей!
А я робенокъ сумазбродной
Напитанъ страстью мнѣ природной
Пойду задумавшись бродить между тѣней!

Такъ я воображаю пройдетъ у меня цѣлой день и цѣлая жизнь, естьли то вамъ будетъ угодно.

Я безпрестанно забываю сказать вамъ Графиня, какъ я возгордился, что стихи мои

васъ забавляютъ. — У меня голова что-то вертится, отъ чего я многое забываю. — Но теперь я опомнился и скажу вамъ, что на меня пришла такая охота къ стихотворству, отъ которой сохрани Господи! — Мнѣ иногда какъ будто совѣстно говорить прозой, да я полно строго смотрю за собою, и многихъ стиховъ моихъ къ вамъ не посылаю, а особливо такихъ, которыхъ не очень разумѣю самъ. — Вы ради Бога не читайте никому и тѣхъ, которые до васъ доѣхали. — Я признаться вамъ не боюсь насмѣшки, потому что къ ней привыкъ; но боюсь, что меня журить будутъ сильные въ дѣлѣ люди; а вы сами знаете Графиня пословицу: *съ сильнымъ не тягайся;* да я же и виноватъ только тѣмъ, что приказанія ваши для меня святы.

№ 27.

Генваря 20го.

По твоему письму другъ мой, дядя Графини затѣялъ такое дѣло, противъ котораго надобно принять мѣры. — За чѣмъ приглашаетъ онъ ее ѣхать съ нимъ съ столицу? Какая можетъ быть прямая причина слѣпаго повиновенія ея? — Ты пишешь, что благосклонность ея къ прозьбѣ старика дяди, какъ будто превозмогаетъ постоянную ея привязанность къ сельской жизни; а я спрашиваю: можно ли благосклонностью превозмочь сердце?

Еще пишешь ты: „случились мы двое:— „Она сѣла за форте-піано, долго задумавшись „перебирала аккорды, — но потомъ кликну„ла меня и сказала: какъ трудно жить съ „людьми на свѣтѣ! — Какъ требованія ихъ „многочисленны и властолюбивы! — Вѣроят„но ли? — Человѣкъ самый добрый — коль „скоро ни сколько не участвуетъ ни своимъ „удовольствіемъ, ни своею пользою, ни само„любіемъ въ положеніи другаго, — тогда онъ

„въ состояніе другаго почти не входитъ, или „покрайнѣй мѣрѣ какъ будто онъ его не по„нимаетъ. — Я должна ѣхать въ Петербургъ, „гдѣ мнѣ будетъ несносно! — Требуетъ того „дядя мой; а мнѣ какъ отказать? — Какъ „не пожертвовать своимъ удовольствіемъ то„му, кто цѣлую жизнь благотворилъ покой„ному батюшкѣ? — И какъ отказать, когда „онъ единственную дочь свою ожидаетъ изъ „чужихъ краевъ съ женихомъ и съ родной ея „теткою и хочетъ, чтобъ я была на свадьбѣ: „признаюсь тебѣ — тяжело — очень тяжело! — „Не такъ я предполагала; что дѣлать? — „какъ быть! — Ѣхать! поѣду, — но не надолго, „и возвращусь въ сельской раіокъ мой.„

Злой человѣкъ! — Ты думаешь возвратиться къ удовольствіямъ; а забыла видно, что убиваешь человѣка!

Не могла ли Графиня представить тысячу причинъ самыхъ нѣжныхъ, по которымъ бы можно было ей остаться дома?

О женщины, женщины! — Какую власть имѣетъ міръ надъ вами! — Въ самыхъ оковахъ его вы находите наслажденія! — Блестящая суетность сплетаетъ вамъ сѣти, а

вы по одному вѣжливому, приманчивому слову, сами въ нихъ бѣжите!

Она тебѣ еще сказала: —„ Вспомните „меня другу вашему, и скажите ему, что „теперь писать мнѣ нѣтъ удобности; а что „бы онъ непремѣнно ко мнѣ писалъ по пре„жнему, и пожалѣлъ бы обо мнѣ, что я обя„зана знакомиться съ большимъ свѣтомъ!„

Дядя благотворилъ отцу ея, и для того она хладнокровно проходитъ мимо утопающаго человѣка! — Она тебѣ приказала себя мнѣ вспомнить! — Неблагодарный человѣкъ! — И она это приказала! — Когда призракъ страсти занимаетъ одно воображеніе, а сердце остается неприкосновенно какая холодность въ выраженіяхъ! Какое благоразуміе въ поступкахъ! Какая въ размышленіяхъ премудрость! — Что мнѣ въ тысячѣ словахъ приказанныхъ, когда она одного написать не успѣла?

Всіѣ это доказываетъ вотъ какую истину: человѣкъ зоветъ другаго, и доколѣ тотъ не слышитъ, стремленіе перваго усиливается; но коль скоро увидитъ онъ, что сей откликнуться или не успѣлъ, или не хочетъ: тогда

потъ, кто кликалъ, догонять перестанетъ, остановится и пойдетъ своей дорогой. — Я никогда такъ не былъ близокъ къ излѣченію моей долговременной болѣзни.

Но что мнѣ подумать о послѣднемъ письмѣ ея? — Жестокая! ты же его писала! — Ты сама выговорила: не грусти, *ты не одинъ*. — Куда дѣвался, куда изчезъ тотъ огонь, который каждое твое слово выжегъ въ моемъ сердцѣ? — За чѣмъ ты какъ нарочно разслабила еще ядъ свой, и тѣмъ еще болѣе привлекла меня его выпить? — Развѣ мало тебѣ моего горя, моихъ страданій? — Но что я! — Всѣ напрасно!

№ 28.

Генваря 20 го.

Я съ большимъ сожалѣніемъ услышалъ, что Ваше Сіятельство изъ пріятной жизни вашей переселяетесь въ столицу: но будучи увѣренъ, что и въ семъ случаѣ удовлетворяете вы собственному желанію; увѣренъ я и въ томъ, что тамошнія веселости, гдѣ вы кружиться будете, принесутъ вамъ новыя удовольствія. — Съ другой стороны различныя таланты, въ большомъ городѣ разсыпанные, которыми пользоваться можно въ публичныхъ собраніяхъ, въ театрахъ, въ обществѣ придворныхъ людей, введутъ васъ въ новую жизнь, среди которой въ шумныхъ забавахъ, сельскія мирныя упражненія такъ мелки! — Простите мнѣ Графиня, что я васъ безпокою. — По старой привычкѣ, я не могу не изъявить вамъ признательности моей что вы меня вспомнить изволили, о чемъ увѣдомляетъ меня пріятель мой, въ Богородскомъ живущій. — Зная, какъ удовольствія въ большомъ городѣ многочисленны, быстры и суетливы, я развѣ только то-

гда приведу себя вамъ на память, когда собственныя порученія ваши требовать того будутъ.

Многія дѣла мои здѣсь еще меня удерживаютъ, и я думаю, что для окончанія ихъ долженъ буду прокатиться въ Сибирь. — И такъ я ни какъ не надѣюсь скоро увидѣться съ вами; но впрочемъ, хотя бы я васъ и увидѣлъ, то можноль мнѣ надѣяться узнать того человѣка, который изъ сельскаго жилища, гдѣ простота сердца и чистый разумъ составляетъ всіо достоинство переселился въ тѣ пышные чертоги, гдѣ хитрость сердца и искуственный свѣтъ ума составляютъ всіо отличіе?

№ 29.

Генваря 30го.

Я сей часъ ѣду другъ мой. — Дѣла мои кое-какъ я кончилъ. — Денегъ не получилъ, и просилъ ихъ отправить къ тебѣ. Прости, я къ тебѣ писать буду. — Другъ мой! Долго ль мнѣ мучиться между жизни и смерти, и не вкусить ни той ни другой? — Многія меня здѣсь полюбили, они разстаются со мною, какъ съ роднымъ! — Когда бы я тебя увидѣлъ! — Я бы кажется отдохнулъ! — Прости, помни, что никто такъ не зналъ цѣны твоей, какъ я. — Ѣду, пускаюсь въ море. — Или измѣрю бездны, или. . . . .

№ 30.

Февраля 3го, съ дороги.

Ночь мѣсячная! — Морозъ жестокой! — Подъ окномъ нищій! — Въ одномъ рукавѣ видна непокрытая мѣстами рука, другой рукавъ пустой и кушакомъ привязанъ; ноги обернуты лоскутьями и перетянуты узловатою веревкою, старая на немъ нагольная шуба вся въ заплатахъ; бѣлая широкая борода, въ рукѣ костыль. — Къ веревочному поясу привязаны санки, въ нихъ видно что-то укладено. — Это было часу въ пятомъ по утру. — Я сидѣлъ задумавшись и ожидалъ почтовыхъ лошадей, свѣчка моя догорала, благовѣстили къ заутренѣ, по улицѣ пусто и тихо. — *Подайте Христа ради!* — Въ словахъ стонъ такой протяжной! — *Подайте Христа ради!* Поди въ вороты старичокъ, поди, поди поскорѣе! — Старикъ втащилъ санки въ избу, въ санкахъ робенокъ лѣтъ двухъ! — Морозъ жестокой! — Скажи мнѣ старичокъ, что это у тебя за робенокъ въ санкахъ? — „Внукъ,

„мой батюшка. — Служилъ я солдатомъ „слишкомъ 30 лѣтъ; думалъ на старости „умереть у сына, да чѣмъ не благословилъ „Господь Богъ, тому видно не сбываться! — „Сынъ мой сдѣлался злодѣемъ и сосланъ въ „Сибирь, невѣстка умерла, оставила мальчи- „ка двухъ лѣтъ, вотъ онъ! — Сирота без- „защитная! Такъ, Ваше Благородіе, Богъ ве- „лѣлъ оканчивать длинный вѣкъ мой! — Воля „Его Святая! — Лишь бы оставилъ мнѣ ноги, „что пошлетъ милостыни, то его! — Мнѣ „многоль надобно? „

Господи, думалъ я самъ въ себѣ. — Вотъ горе, вотъ нужда! — и въ какія лѣта! — Но естьли это обманъ? — Нѣтъ, быть не можетъ! — Какъ можно такъ обманывать! — . . . Однако за чѣмъ давать такъ много? — Въ самомъ дѣлѣ! — Сколько нищихъ этому старику подобныхъ! — Сколько такихъ, которые нещастливѣе его вдвое? — Безъ рукъ, безъ ногъ! — Нѣтъ это несправедливо! — Подите отъ меня прочь коварныя сумнѣнія! — Теперь разсуждаю, послѣ пожалѣю, а тамъ не сберусь! — Нѣтъ! — Дамъ ему сколько

могу! — Послушай старичокъ, вотъ тебѣ 25 рублей на пищу тебѣ и робенку, вотъ еще 25 рублей на работницу, которая бы ходила за робенкомъ; а это 25 рублей тебѣ на квартиру. — Да, постой, вотъ уже и еще 25 рублей вамъ всѣмъ на одежду. — Ну поди теперь, Богъ съ тобой!

У старика ни слова, ни слезы! — Ассигнаціи валятся изъ рукъ его! — И наконецъ съ прерваннымъ тяжелымъ вздохомъ взглянулъ вверьхъ, затрясся, наполнились глаза слезами, бросился ко мнѣ въ ноги, зарыдалъ, доползъ на колѣняхъ къ образу, помолился, всталъ и говоритъ: „Я давно живу на свѣ„тѣ, Ваше Благородіе, и примѣчаю, что лю„ди-то добрыека къ Ангели, посланы съ небесъ „на помощь сиротству и убожеству! — По„думаешь, какая милость Божія! — Не давно „на Московской дорогѣ въ одной деревнѣ былъ „приходской праздникъ. — Я по обѣщанію „туда таскался, и ѣхала въ Питеръ какая-то „молодинькая Барыня, ни какъ еще Графиня! „— Да такая милостивая! Она словно Ваше „Благородіе, пожаловала мальчишкѣ денегъ, „да еще приказала поднесть его къ себѣ, изво-

„лила его поцѣловать, и примолвила: *Молись „за меня Богу старичокъ! — Я Богъ дастъ „поѣду назадъ, нарочно здѣсь остановлюсь и „тебѣ привезу гостинецъ.* — Пошли ей Госпо„ди всіѣ благое! — Однако она такая была „томная! — Видно у ней что ни на есть на „сердце! — Богъ милосердъ! — Христосъ съ вами Баринъ!„ — Постой, прервалъ я, вотъ тебѣ еще 25 рублей. — „За что Ваше Бла„городіе! — Помилуйте, такъ ужъ будетъ много! — Куда мнѣ?„ — Нѣтъ возьми, возьми и ни слова болѣе служивой! Такъ эта Графиня молодая, ты говоришь, была томна? — Однако вѣдь здорова, ходитъ? — „А что, Ва„ше Благородіе, видно она вамъ знакома, да „ужъ не Барыня ли ваша? — Здорова сударь „кажется, ходитъ Христосъ съ нею! . . . . „Ну Богъ съ тобой старичокъ. — Простите Ваше Благородіе. — Онъ сталъ привязывать санки къ поясу, а между тѣмъ говорилъ: „Теперь я долго милостыни просить не бу„ду! — Щастливъ ты птенецъ мой родимой! „— Поѣдемъ-ко мы съ тобою къ заутренѣ, „вташу я тебя въ церковь, открою тебя „предъ Господомъ, свѣчку отъ младенца Спа-

„ситѣлю поставлю.„ — Старикъ пошелъ изъ избы и всіо продолжалъ говорить что-то — Я остался одинъ!

Чудное созданіе думалъ я самъ въ себѣ! Ты и тутъ встрѣчаешся со мною, и услаждаешь грусть мою! — Надобно же, чтобъ я, и въ настоящемъ случаѣ, твоею же цѣною, и твоимъ же подобіемъ возвысилъ цѣну горестной моей жизни! — Чтобъ я, помогая нищетѣ, и тутъ отыскалъ слѣды твои, и раздѣлилъ бы твое горе! — Надобно же, чтобъ нищій меня на твой щетъ и успокоилъ и утѣшилъ! — И чтобъ сиротствующій безсловесный младенецъ соединилъ взаимное наше къ нему состраданіе! — Какой во мнѣ покой! — Какая даль *) прелестная! — Страждущій человѣкъ! Послушай: когда въ сердцѣ твоемъ умолкнетъ стонъ, и оно въ страданіи замретъ! — Когда, тихій, но ѣдкій ядъ печали начнетъ снѣдать душевныя твои силы, послушай, не считай еще себя погибшимъ! — Знаешь ли кто за тебя вступится? — Сироты, немощныя, убогія, они составятъ воинство твое, и порывы отчаянія, на тебя летящаго, остановятъ. — Нѣтъ, я не паду!

*) Перспектива.

— Гдѣ бездны? — Гдѣ смерть? — Дыханіе мое исполнено любовію, въ безпредѣльной любви я раздѣлюсь, и несмѣтныя частицы развязаннаго, развлеченнаго существа моего вознесутся наконецъ къ тому неизмѣримому источнику, котораго животворная сила безчисленные міры и производитъ и хранитъ! — . . . . .

P. S. Я здѣсь засталъ почту изъ Москвы, въ Архангельскъ идущую; тутъ можетъ быть есть ко мнѣ письма! — Но какъ я получу ихъ? — Я какъ нарочно всіо далѣе и далѣе отъ того, что мнѣ дорого! — Упросилъ я почталіона отдать это письмо Почтмейстеру въ Архангельскѣ, который къ тебѣ его отправитъ. Чудный случай заставилъ меня написать къ тебѣ о нищемъ! — О другъ мой! Раскаяніе меня угрызать начинаетъ! ...

Этотъ почталіонъ между прочимъ сказалъ мнѣ, что по слухамъ тѣ, которые клялись въ смертоубійствѣ, (о чемъ помнишь я къ тебѣ писалъ особо) прощены и будто велѣно ихъ обвѣнчать. — Слава Богу, что милость Монаршая и въ сельской глуши свѣтится, и оживотворяетъ смиренныхъ деревен-

скихъ жителей! — Дѣйствительно, одна милость Государя, а не законъ, можетъ разрѣшать такіе случаи. — Слава Богу! — Прости, лошади готовы!

№ 31

Февраля 9го.

Вотъ, мой другъ, я и въ Петербургѣ! Я готовъ въ адъ. — Нѣтъ силы, могущей меня успокоить!—Ни времени, ни обстоятельствъ, ни отдаленности, ни препятствій не знаю. — Какая-то хитрая злоба заставила меня пожелать быть тайнымъ свидѣтелемъ той казни, какую предположилъ я, что Графиня мнѣ приготовлять будетъ. — Я хотѣлъ видѣть собственными глазами, какъ въ шумныхъ забавахъ, въ кругу искусной, и развратной молодости, разрушается прекрасное созданіе и какъ притворство, сладострастіе, суетное честолюбіе, похищаютъ прелести красоты природной! — Но съ тѣхъ поръ, какъ старикъ нищій меня образумилъ, сказавъ, что она грустна, (и видно очень грустна, что замѣтилъ то человѣкъ въ первый разъ ее видящій) всѣ замыслы мои изчезли! И какъ

я могъ подумать! — О какое злое, какое недостойное я животное!

Тебя ли Ангелъ добрый дерзнулъ я поставить на череду такую, гдѣ стоятъ тысячи, и своего имени не стоятъ? — Прости мнѣ душа прекрасная! — Я не допущу тебя миловать преступника, я самъ себя истязать буду я;—здѣсь, не хочу, чтобъ ты меня видѣла. — Стóю ли я коварный такого чистаго наслажденія? . . . . . Ты грустишь, ты страждешь; а я тебя видѣнь буду, и тайно страданіемъ твоимъ мои страданія размножу. — До самаго дна буду выпивать горькую мою чашу и тебѣ не оставлю ничего! — Всю выпью до капли!

Мой другъ, я не ожидаю здѣсь твоихъ писемъ, да мнѣ ихъ и не надобно, мнѣ ничего не надобно, ничего! — кромѣ одного кипящаго ощущенія въ сердцѣ, и слава Богу! — Какъ она послѣднее письмо мое получитъ! Я злодѣй надписалъ его въ столицу прямо! — Можетъ быть она уже его и получила! — Я не смѣю о себѣ помыслить, не смѣю обратиться къ молитвѣ! — Я не знаю, буду ли

я писать къ тебѣ. — Не безпокойся, естьли ты ничего обо мнѣ не услышишь! — Безъ удара, смертельнаго ядра ожидать не льзя!

№ 32.

Февраля 12 го.

Она занемогла тяжело, она занемогла вдругъ, Богъ знаетъ, что такое!—Она . . . Естьли я ничего не напишу, это будетъ значить . . . Нѣтъ, не хочу думать! . . . Разумъ, красота, сердце, жизнь! что вы такое? — Не уже ли можетъ червь? . . Нѣтъ не хочу думать! . . .

№ 33.

Февраля 14 го.

Слава Богу, сердечной мой! — Ей легче, жаръ унялся. — Сего дня приказано для перемѣны воздуха вывесть ее въ другую комнату, тамъ легла она на диванѣ, и съ часъ уснула!

Она живетъ въ домѣ дяди своего, но совсемъ въ особомъ отдѣленіи. — Люди, на лицахъ которыхъ написано горе, увидѣвъ меня и обрадовались и удивились. — Я ихъ просилъ обо мнѣ не сказывать, и такъ просилъ ихъ, что имъ проговориться не льзя.

Въ тотъ самый благодѣтельный часъ, какъ она почивала, я вошелъ въ ея комнату. Ахъ мой другъ! — Что я почувствовалъ! — Сердце мое какъ будто распалось на части! — У ея постели стоитъ столикъ, на которомъ поставленъ маленькой ея образъ, а подлѣ него всѣ мои письма. — Я хотѣлъ тронуть ихъ; мнѣ сказали, что до этихъ бумагъ никому она не позволила прикасаться. — Другъ мой, тутъ какъ будто какой голосъ закричалъ внутри меня: поди, поди злодѣй, пріими

казнь раскаянія! Смотри, чѣмъ она и въ послѣднихъ издыханіяхъ своихъ услаждаетъ лютую болѣзнь, и грусть свою! — Ты ввелъ смерть въ ея сердце; а она въ тебѣ же ищетъ своей жизни, своего благополучія! — Она объята пожирающимъ огнемъ, и въ немъ съ усмѣшкою изчезаетъ! — Губитель Ангела свѣта, гори же самъ и не сгарай!

Въ такихъ мучительныхъ ощущеніяхъ, я припалъ цѣловать подушки ея постели. — Не помню, какъ вышелъ, не помню, кто меня вывелъ! — Опомнился я въ сѣняхъ на лавкѣ, подлѣ меня стоитъ горнишная ея дѣвка, держитъ стаканъ воды и говоритъ мнѣ сквозь слезы :„ успокойтесь родной мой! Графинѣ *вашей* ей-Богу будетъ легче. — Я вошелъ въ себя: какъ ты говоришь *вашей*? . . — Надѣлъ шляпу, и ушелъ!

№ 34.

Февраля 15 го.

(Въ сосѣдственной горницѣ.)

Несносной день! — Ей тяжеле! — Низехонько надъ головою моею летаетъ смерть! — Вчера дядя ея былъ безпрестанно у ея постели; сего дня онъ ее видѣть не можетъ! — Я отъ зари до самой полуночи сижу или въ тракширѣ, которой тутъ подлѣ, или въ сосѣдственной горницѣ, —тутъ она увидѣть меня не можетъ; тутъ иногда слышу я, что она говоритъ, а иногда горнишная дѣвка выходитъ ко мнѣ и разсказываетъ, что дѣлается: она всю ночь стонала; сего дня по утру призвала ее и посадила, взглянула на нее томно и сказала: „*Ахъ Аннушка какъ мнѣ тяжело*!„ — Спросила, нѣтъ ли къ ней писемъ? — Дядя ея приказалъ письма отдавать себѣ, доколѣ Графинѣ будетъ лучше.

„Скажи дядюшкѣ, что мнѣ легко довольно, и что бы онъ письма пожаловалъ мнѣ „прислалъ.„ —

Дядя самъ принесъ письма, и не смѣя ее безпокоить больше, вышелъ въ другую комнату. — Она посмотрѣла надписи, — между прочими выбрала одну, — чрезвычайно обрадовалась, — поцѣловала письмо и какъ будто ожила, — распечатала, — лишь начала читать, вдругъ перестала, заплакала, — опять начала читать, опять перестала, — вступилъ въ лице жаръ! — Она стремительно сѣла, начала дѣвушку при ней стоящую кликать, какъ будто бы ее тутъ не было. — Вошелъ дядя ея, а она безпрестанно кликала свою дѣвку, потомъ ее узнала, и только что и говорила: „ *скажи Аннушка, что я сдѣлала?* „— Между тѣмъ то плакала, то перечитывала письмо, то стонала, письмо сжала въ руку, обернулась на другую сторону, забылась. — Чрезъ нѣсколько минутъ проглянула, увидѣла дядю ея стоящаго у постели. — „ Не безпокойтесь дядюшка, я не могла себѣ представить. . . . . Нѣтъ, „не то я хочу сказать, коли мнѣ будетъ „лучше, отправьте меня въ Малороссію, — я „не гожусь у васъ въ Петербургѣ.„ — Вдругъ стала распрашивать о Сибири, о тамошнемъ климатѣ, какъ туда почта ходитъ; опять спрашивала у дяди: „что она сдѣлала? — И

„какъ ей быть? и чѣмъ бы ей успокоиться?„ — Между тѣмъ тосковала, рвалась, металась, очень тяжело вздыхала, наконецъ замолкла, только по временамъ вскрикивала: „Какъ подумать?„ . . . . . Что я сдѣлала? . . . . „Дядя ея вышелъ въ слезахъ . . . . . Послалъ за докторомъ.

Докторъ еще не отчаивается. — Пустили ей кровь?

Въ туже ночь

(Въ сосѣдственной горницѣ.)

Она въ тоскѣ и въ жару непрестанномъ, всю съ себя мечетъ!

Не ужели Ангелъ добрый не услышу я болѣе твоего голоса? . . . . Давно меня нѣсколько шаговъ отъ тебя отдѣляютъ! — О горькая участь! — А часто такое разстояніе обширнѣе пространства, раздѣлающаго сѣверъ отъ полудня! Пропасть бездонная! Нѣсколько шаговъ! — А одно неприметное дыханіе отдѣляетъ небесный міръ отъ земнаго! . . . . . Но я не отойду отъ дверей твоихъ, душа страждущая! — И естьли жадная смерть бросится на мое сокровище, я тутъ. — Пусть, пусть я преступникъ буду первою ея пищею! . . . Какой протяжной стонъ!

Вышла Аннушка :„ слава Богу сударь! — „Она пришла въ память, привстала, отда-„ла мнѣ смятое письмо, приказавъ его теперь сохранить; а потомъ, коль скоро ей будетъ легче, отдать обратно; — замолчала и засну-ла!„

Вотъ то ядовитое орудіе, съ которымъ пошелъ я на жизнь ея! — Било два часа по полу-ночи. — Таинственная тишина и ужасъ меня окружили! — Я шатался въ отчаяніи по комнатѣ, совѣсть меня мучила, я готовъ былъ . . . но издыхающая надежда еще меня остановила; въ бродящихъ размышленіяхъ моихъ положилъ я написать къ ней какъ будто изъ Архангельска. — Можетъ быть, я ее успокою! — По крайней мѣрѣ облегчу, можетъ быть, немилосердую мою совѣсть!

Ахъ мой другъ! — Казнь совѣсти есть самая злѣйшая казнь въ свѣтѣ! — Нѣтъ ей ни въ чемъ подобія! — Самое раскаяніе тщетно! — Оно безъ добрыхъ дѣлъ только что умножаетъ огненный гнѣвъ ея!

Блаженъ кающійся поставившій себя ниже послѣдняго въ мірѣ, и лобызающій подъятую руку на пораженіе всѣхъ прелестей его

жизни !—Тогда только развѣ утихнутъ угрызенія !—А я какъ отыщу покой въ душѣмоей ? . . .

Февраля 16.

Поутру въ 9-ть часовъ.

Ей вчера кровь пустили, она проснулась, жаръ сегодня меньше, она въ памяти ! — Я отдалъ коротенькое мое письмо Аннушкѣ съ тѣмъ, чтобъ она въ пристойное время отдала его Графинѣ. — Она попросила бумаги и чернилицу, начала что-то писать, залилась слезами, и продолжать не могла. — Аннушка уговаривала ее, чтобъ она не плакала. —„ *не знаешь ты . . . . и хорошо, что ты не знаешь !* — Опять начала писать, сложила письмо, стала какъ будто покойнѣе, приказала при себѣ его запечатать и отдала письмо съ тѣмъ, чтобъ Аннушка отправила его по надписи.

Между тѣмъ Аннушка сказала, что она имѣетъ письмо къ ней. —„ *Покажи мнѣ его.*„ Увидѣвъ мою руку, выхватила она письмо, въ минутной радости поцѣловала его; но потомъ горько разсмѣялась, почувствовала ознобъ ! и безпрестанно твердила въ полслова: „ не смѣю . . . Я опять буду виновата, . . не смѣю, . . . „возьми Аннушка это письмо назадъ, мнѣ что-

„то тяжело, оставь его у себя до времени.„ — Отвернулась къ стѣнѣ. — Вошелъ дядя, она его не видала. Лежала тихо, онъ вышелъ. — Докторъ сказалъ, что волненіе въ ней еще сильно.

Письмо ея было надписано къ тебѣ мой другъ въ Малороссію, съ тѣмъ, чтобъ ты вложенное доставилъ мнѣ.

Вотъ что она писала:

„Другъ мой! ты первый заставилъ меня „почувствовать, что жизнь моя не мнѣ при„надлежала. — За чѣмъ ты первый ее сокра„щаешь? — Естьли я тѣмъ только виновата „предъ тобою, что я исполнила волю благо„дѣтеля моего, то могло ли тѣмъ перемѣ„ниться мое сердце? — Прости мнѣ, тебя „завело пламенное твое воображеніе и я пра„во на тебя не сѣтую, и сѣтовать не могу. „— Я кажется такъ тебя понимаю! — Бо„лѣзнь меня изнурила, мой другъ! — Мечта„тель нещастный! — Ты Богъ знаетъ что „мыслишь; и я хочу, чтобъ ты зналъ, что „дыханіе мое напитано тобою, что въ этомъ „наслажденіи самая смерть мнѣ нестрашна. „— Гдѣ ты жестокой человѣкъ? — Къ кому

„я обращаюсь? — Когда я получу твои пись-
„ма? — Но что я спрашиваю! — Я и же-
„лать того не смѣю!„

Я, какъ ты видишь, всѣ тебѣ описываю подробно, и чего больше? — Самымъ покойнымъ образомъ переписалъ тебѣ слово отъ слова всѣ письмо ея. — Каждая ея черта огненною чертою почернѣла у меня въ сердцѣ; а со всемъ этимъ я какъ-то питаюсь моими страданіями и ими утоляюсь. — Мой другъ! не велико еще то мученіе, которое извлекаетъ стонъ!

Въ вечеру.

Ей слава Богу лучше, жаръ ея уменшился и привелъ ее въ несказанную слабость. — Она спросила письмо у Аннушки, глядѣла на него долго, и какъ будто не смѣла его распечатать, но рѣшилась наконецъ, и прочитавъ нѣсколько строкъ . . . . — *Ну слава Богу!* — Выговорила: *теперь я отдохну.* — *Дайте мнѣ отдохнуть Аннушка.*„ — Долго она была одна, въ комнатѣ очень было тихо! — Потомъ кликнула она опять дѣвку, которая нашла ее довольно веселою, съ заплаканными однако глазами! — Опять попросила бумаги и написала вотъ что:

„Милой другъ мой! — Ты меня спасъ „отъ смерти. — Я получила письмо твое. — „Не оскорбляйся такъ собою, береги себя, „мнѣ лучше, осталась одна слабость. — Дол„голь тебѣ мечтать сумазбродный, что мо„жно не любить тебя? — У меня нѣтъ ни„чего на сердцѣ, чтобъ могло тебя потрево„жить. — Я совершенно щастлива тобою. — „Не могу я писать больше, а желала бы тебя „увѣрить, что не ты одинъ много любить „умѣешь! — Я скоро ѣду въ Малороссію и „тамъ тебя ожидаю.„

№ 35.

Февраля 20го.

Она воскресаетъ! Ей всякой день лучше. — Я точно тотъ, кто послѣ продолжительнаго обморока открываетъ глаза. — Нервы мои въ такомъ раздраженіи, что я сталъ неприкосновененъ, бездѣлица можетъ испугать меня, малѣйшая пріятность заставляетъ плакать; двухъ, трехъ тоновъ согласныхъ слышать равнодушно не могу. — Я чувствую какое-то волненіе, отъ котораго безпрестанно тороплюсь и самъ не знаю куда. — Кажется не страдаю, а безпокоенъ. — Чувствованія мои уподобляются горячей ранѣ на воздухѣ открытой!

Суди, мой другъ, о нетерпѣніи моемъ видѣть моего прекраснаго Ангела! Но я еще рѣшиться не смѣю. — Голова моя освобождаясь постепенно отъ смертоноснаго угара начинаетъ соображать обстоятельства. — Я на этихъ дняхъ явлюсь къ своему Министру, котораго много почитаю за то, что онъ человѣкъ. — Устрою такъ, чтобъ онъ познако-

милъ меня съ дядею Графини. — Прости мой сердечный, я много писать не могу, да и не знаю о чемъ писать, сердце у меня какъ будто изсохло, и какъ цвѣтокъ увядшій только что оживать начинаетъ.

№ 36.

Февраля 25 го.

Какое я щастливое твореніе! — Она предполагая меня въ Архангельскѣ, ко мнѣ написала! — Вотъ тебѣ слово отъ слова всіо письмо ея. — Милой мой другъ, скажи мнѣ, кого не воскреситъ ея сердце? . . . Теперь остается тебя друга моего видѣть въ Петербургѣ, и какъ можно поскорѣе, — ты можетъ будешь свидѣтелемъ. — Нѣтъ! увѣриться еще не смѣю . . .

Списокъ съ лисьма:
Отъ 24 Февраля, С: Петербугъ.

„По мѣрѣ той, какъ начали возвращать-„ся ко мнѣ силы, сердце мое стало оживать „тобою, другъ мой добрый! — Мыслить о „тебѣ ежеминутно есть величайшее въ жи-„зни моей наслажденіе, истинная пища! — И „для того каждое мгновеніе воскресающей „жизни моей я посвящаю тебѣ. — Ты одинъ „ее составилъ, тебѣ одному принадлежатъ „всѣ ощущенія моего сердца.

„Два года послѣ нещастія я похожа бы-
„ла на тѣ растѣнія, о которыхъ никто изъ
„людей не печется. — Сердце мое изливалось
„на предметы неодушевленные. Я любила
„столикъ подлѣ меня стоящій. Любила ру-
„чеекъ быстротою меня занимающій. — Лю-
„била топъ камень, у котораго я быть при-
„выкла, любила всіѣ, по-тому что благо ка-
„ждаго предмета меня веселило. — Чудно
„тебѣ покажется, не занимали меня одни мо-
„лодые люди! — Я можетъ быть ошибаюсь,
„но я думаю, что они вообще утратили то
„къ намъ женщинамъ почтеніе, ту нѣжность,
„которыя такъ любезны, а отъ того сами
„стали непривлекательны! — Обращеніе съ
„женщиной порядочной имъ тягостно, а жен-
„щинѣ вдвое безпокойно.

„Когда твой другъ и *мой* съ тобою ме-
„ня познакомилъ, я заключила, что ты чело-
„вѣкъ глубокой чувствительности по тому,
„что ты былъ мраченъ, нелюдимъ, до край-
„ности щекотливъ въ разговорахъ, и молча-
„ливъ. — Казалось, что къ твоему благо-
„получію надобны только степь и лѣсъ!

„Не посѣтуй на меня другъ мой, что я „такъ не выгодно на твой щетъ отзываюсь: „ты самъ знаешь лучше меня, что есть лю„ди, которые съ перваго взгляда очень нра„вятся, а тамъ что далѣе, то меньше; то„чно такъ, какъ безъ прямаго достоинства „въ талантѣ, музыка, или живопись, или „стихотворство, — прослушаютъ, поглядятъ „прочтутъ, и полно. Напротивъ того есть „другіе люди, не плѣняющіе скоропостижно; „но что далѣе продолжается знакомство съ „ними, тѣмъ болѣе они къ себѣ привлекаютъ. „— Это бриліанты въ коркѣ. — И такъ не„сѣтуй же ты на меня мой сердечный!

„Я поведу исповѣдь мою далѣе:

„Такимъ образомъ съ начала моего зна„комства съ тобою, ты мнѣ не только не „казался пріятнымъ, но я даже какъ будто „бы тебя боялась.

„Одинъ случай обратилъ вниманіе мое въ „твою пользу. — Помнишь ли, какъ я на гор„кѣ разливала чай? Ты такъ любовался, какъ „я надѣляла гостинцами крестьянскихъ моихъ „ребятъ! — Такъ вслушивался, какъ я рас„прашивала о больныхъ! — Такъ краснорѣ-

„чиво говорилъ со мною, такъ на меня взгля-
„нулъ проницательно, что сердце у меня за-
„билось!

„Тутъ я увидѣла, что не одна степь,
„и не одинъ лѣсъ могутъ составить твое
„благополучіе; — но тутъ же я твердо по-
„ложила, изслѣдовать себя въ каждомъ біе-
„ніи сердца, и дала себѣ крѣпкое слово, не
„предаваться всему тому, что меня прель-
„щало. — Прости мнѣ другъ мой, я тебя
„никогда не знавала, могла ли я поступить
„иначе? — Съ каждымъ днемъ однако я какъ
„будто становилась иная! — Я уже начала
„примѣчать, когда ты занимался мною, и
„когда нѣтъ. — Я начала чувствовать ка-
„кую-то безъ тебя скуку! — Какую-то пу-
„стоту! — Разсужденія твои при всякомъ
„случаѣ соглашали меня и съ умомъ твоимъ,
„и съ сердцемъ!

„Мой другъ! Мы женщины вообще похо-
„жи на тѣхъ безсильныхъ животныхъ, кото-
„рыя до тѣхъ поръ храбры, пока не видятъ
„ихъ побѣдителя; но лишь таковой имъ встрѣ-
„тится, вся разница между уподобленіемъ и
„истинною состоитъ въ томъ, что между

„животными безсильныя отъ сильныхъ бѣ-
„гутъ; а мы напротивъ того, къ муцинамъ
„же прилѣпляемся, — и тутъ, нѣкоторыя изъ
„насъ хитрымъ коварствомъ и разными при-
„хотями отравляютъ жизнь своего покро-
„вителя; а другія отличаются безпрестан-
„нымъ усердіемъ къ тому, кто въ комъ по-
„ложилъ свое щастіе.

„Такъ - то видно и со мною! — Я нико-
„гда не забуду ни той прогулки при лунномъ
„сіяніи по берегу рѣки, гдѣ ты упоялъ меня
„сладостнымъ изрѣченіемъ любезной души тво-
„ей, гдѣ я какъ очарованная каждымъ твоимъ
„словомъ восхищалась! — Не забуду той гру-
„сти, съ которою увидѣла я тебя у ручья
„подъ дубомъ въ задумчивости сидящаго *сто-*
„*рожемъ невинности,* какъ ты самъ себя на-
„звалъ! — Вотъ мой другъ, какъ памятны
„первыя впечатлѣнія! — Что могло укрѣп-
„лять меня въ силахъ? — Самая жизнь какъ
„будто противъ меня ополчилась; и ночи мои
„стали длинны, и сонъ мой сталъ безпокоенъ,
„и день казался мнѣ только при тебѣ веселъ.
„— И цвѣтники мои всѣ сдѣлались постылы, и
„музыка наводила одно на меня уныніе. — Я без-

„престанно думала, и сама не знала о чемъ,
„безпрестанно превожилась сердцемъ, а не
„понимала откуда такое вол[illegible]ие! — Ты
„жестокой человѣкъ! ты казалось весь покой
„у меня отнялъ! — Работаю ли я, а ты
„идешь? — Я невольно провожаю тебя гла-
„зами. — Кличетъ ли меня кто, я иногда
„не слышу. — Словомъ: во мнѣ всѣ слилось
„въ одно чувство, въ одну мысль, и я не-
„примѣтно сама не своя стала!

„Ахъ мой другъ! сколько въ такомъ слу-
„чаѣ вы мущины щастливѣе насъ женщинъ!

„Кто можетъ осудить васъ, когда вы
„стараетесь привлечь предметъ вами люби-
„мый? — Кто опорочитъ молодаго человѣка,
„когда онъ съ должною скромностію въ са-
„мыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, объясняетъ
„женщинѣ привязанность, увеличивающую ея
„достоинство и славу? — Другъ мой! я те-
„бѣ признаюсь чистосердечно: возгордилась я
„съ тѣхъ поръ, какъ ты меня избралъ въ
„сопутницы твоей драгоцѣнной жизни! —
„Но какія надобны мнѣ были силы, чтобъ
„иногда воздержать, или скрыть слезу тре-
„пещущую въ глазахъ моихъ! — Какъ мнѣ

„было тяжело! — Какъ мучительно мнѣ бы-
„ло казаться равнодушною, когда каждое твое
„слово извлекало изъ меня душу!

„Будучи въ такомъ положеніи, я хотѣла
„еще болѣе убѣдиться въ моей привязанности,
„и по тому пожелала твоей со мною разлуки;
„не оскорбись мой сердечный, я по свойству
„твоему видѣла, что тебѣ надобно было та-
„кое сердце, которое бы одною любовію ды-
„шало, и разсыпало бы пламенный свѣтъ свой
„на всѣ обстоятельства твоей жизни; а мнѣ
„всіо казалось, что я тебя любила мало! —
„Я очень понимала, что никто не можетъ
„быть увѣренъ въ первомъ впечатлѣніи, на
„всю ли жизнь оно совершается или нѣтъ,
„знала и то, что въ людяхъ съ прямымъ
„достоинствомъ, твердость въ правилахъ за-
„мѣняетъ иногда сердечное чувство, но со-
„храни Богъ, естьли бы тебя въ такомъ поло-
„женіи я увидѣла! — Знавала я людей такъ
„живущихъ и смертно опасалась имъ уподо-
„биться! — Я примѣтила, что когда сердце
„молчитъ, тогда соединенная жизнь двухъ
„людей одними правилами пристойности, пре-
„вращается во взаимное рабство. — Не увидишь

„между ими ни неудовольствія, ни ссоры, „они покойны, но и самый покой ихъ по хо„лодности своей непріятенъ. — Живучи въ „одномъ домѣ каждый изъ нихъ живетъ въ „углу особомъ; у каждаго свои особенныя дѣ„ла, особенныя свои удовольствія; они другъ „друга не понимаютъ, одинъ бѣжитъ къ дру„гому съ какою нибудь сердечною радостію, „а другой не токмо не раздѣляетъ радости, „но и не примѣтитъ, что она къ нему стре„милась! — Что нравится одному, отъ то„го другой отходитъ, для того только, чтобъ „не объяснить своего несогласнаго мнѣнія! — „Словомъ: такая чета живучи вмѣстѣ, все„гда розно, и хотя такъ живутъ нынѣ большею „частію всѣ отличные модные люди: но, мой „другъ, тебя бы такое положеніе умертвило! „— Я всіо это знала, и вопъ причины, по ко„торымъ налагала я на себя тяжкое стра„даніе, утѣшаясь тѣмъ токмо, что я при„вязанность мою испытаю, и можетъ быть „съ большимъ достоинствомъ тебя по раз„лукѣ встрѣчу.

„Въ сихъ видахъ я дала почувствовать „другу твоему, что твое поведеніе стано„вится нѣсколько для меня безпокойно, и по

„тому просила его, что бы ты на время насъ „оставилъ. — Надобно мнѣ было однако не „погасить въ тебѣ и моей и твоей надежды, „и для того я требовала, чтобъ ты ко мнѣ „писалъ, и тебя просила принять должность „стихотворца.

„Ахъ мой другъ! не знала я, на что рѣ- „шилась; я не знала еще, что такое разлука; „не знала, что она истинную привязанность „только что раздражаетъ! — Не знала, что „такое мгновеніе безъ того, чѣмъ дышишь! Ты „уѣхалъ! — Представь себѣ мой сердечный, „я долго плакать не могла, я бродила какъ „сумасшедшая! — Всѣ примѣтили во мнѣ „перемѣну, я безпрестанно уединялась и иска- „ла безпрестанно тѣхъ мѣстъ, гдѣ я тебя „видала; а тутъ, пустая иногда нечаянность, „незначущій случай, мрачную мою чувстви- „тельность умножали! — Пришла я однажды „къ тому дубу, гдѣ ты обмахивалъ младенца, „тутъ какъ нарочно попадись мнѣ спящая „на солнцѣ змѣя, вотъ я и положила, что „по этому предзнаменованію ты меня оста- „вилъ. — Чрезъ нѣсколько времени на томъ „мѣстѣ, гдѣ мы съ тобою гуляли, на берегу

„рѣки, убило человѣка громомъ, а я тотчасъ „вообразила, что ты отчаянно боленъ! — „Тысячи подобныхъ пустыхъ призраковъ ме„ня тревожили. — Одни твои милыя писъ„ма, одни они на нѣкоторое время меня „оживляли!

„Изъ твоихъ писемъ, и изъ твоихъ сти„ховъ я тебя понимала, мой сердечный другъ! „— И твои восклицанія противу зимы! и „видѣніе любви въ тѣхъ цвѣтахъ, которые „я къ тебѣ отправила, и письмо къ другу „твоему, всіо меня питало. — Но одно писъ„мо твое ввело меня въ новую жизнь, кото„рую оцѣнила я выше всего въ мірѣ! Я по„чувствовала всю цѣну любви твоей, и тутъ „уже я положила, каждое мгновеніе жизни „моей употребить въ твой покой и въ твое „удовольствіе.

„Пріѣхала я наконецъ въ Петербургъ; „тутъ я получила жестокое письмо твое, „и признаюсь тебѣ, въ первый разъ увѣри„лась . . . . Я виновата мой другъ, это бы„ло на минуту, прости мнѣ, я на тебя не „сѣтую, всіо слава Богу прошло, я выздора„вливаю, и утверждаюсь ежечасно въ памя-

„тныхъ словахъ, читанныхъ мною въ письмѣ „твоемъ: *твердая душа, на которую влеча-* „*тлѣнія ложатся съ стремленіемъ огнен-* „*нымъ, громовымъ, времени не покоряется.* „— *Трещина въ камнѣ не заплываетъ нико-* „*гда.*„ — Вотъ тебѣ, мой другъ, вся моя „исповѣдь. — Ты во мнѣ на минуту усумнил- „ся, а я тебѣ объяснила и чувствованія мои „и виды, съ которыми я поступала. — По „этому ты видишь, что ты у меня всіо въ „жизни! — Я умру твоею, суди о нетерпѣ- „ніи моемъ тебя видѣть!

„Пріѣзжай мой другъ, пріѣзжай поскорѣе „— Я тебя ознакомлю съ дядею моимъ; онъ „человѣкъ добрѣйшій, и надѣюсь, и твои и мои „обстоятельства, то есть: лучше сказать „*наши* обстоятельства, къ взаимному ща- „стію устроятъ.

„Богъ съ тобою, дай тебѣ Богъ здоровья. „— Въ Архангельскѣ у васъ холодно, береги „себя, мой другъ! — Твое здоровье уже не „твое.„

№ 37.

Февраля 27 го.

Я вчера научилъ Аннушку сказать Графинѣ, что она во снѣ видѣла, будто я пріѣхалъ. — Аннушка мнѣ сказала: что Графиня разсмѣялась, вздохнула, задумалась, ничего не сказала, а спросила только, отправилаль она послѣднее письмо на почту?

Она вчера проѣзжалась. — Сего дня съ письмомъ отъ Министра я былъ у ея дяди. — Онъ принялъ меня весьма вѣжливо, и показался мнѣ человѣкомъ твердымъ и немоднымъ. — Сказалъ мнѣ между прочимъ: „*что онъ радъ будетъ служить со мною, для того, что кажется ему я человѣкъ правомыслящій и чувствъ благородныхъ.*„ Я сумазбродный! человѣкъ правомыслящій!

Надобно же, чтобъ такъ случилось. — Старикъ былъ потомъ у Графини, и не зная, что я ей знакомъ, говорилъ ей между разговорами, какъ я ему понравился, какъ онъ обо мнѣ давно наслышался и какъ онъ доволенъ, что во мнѣ пріобрететъ себѣ сотрудника.

*

Графиня, какъ мнѣ пересказывала Аннушка, въ первомъ мгновеніи не много смѣшалась, но вышла вонъ, ходила по горницѣ въ большемъ нетерпѣніи, потомъ сѣла и сказала Аннушкѣ: представь себѣ, онъ здѣсь! — Да какъ это могло случиться? — Слышала ль ты? — Онъ здѣсь. — Гдѣ же онъ живетъ? — Какъ же онъ не побываетъ Аннушка! — Я право ничего понять не могу! Что это со мною дѣлается? — Тутъ Аннушка разсказала ей, какъ я давно въ Петербургѣ, какъ я во всіе время болѣзни былъ тутъ. — Что же ты мнѣ объ этомъ давно не сказала? — Ахъ Боже мой! какой это человѣкъ чудный!.... Да что жъ я здѣсь? — Вышла опять въ ту горницу, гдѣ былъ дядя ея, и начала говорить съ нимъ рѣчь постороннюю.

Старикъ очень озаботился увидя въ ней перемѣну, уговаривалъ ее, чтобъ она проѣзжаться погодила, и утверждалъ, что точно отъ того у ней опять въ лицѣ жаръ показался.

№ 38.

Февраля 28 го.

Мой другъ! — Сего дня я ее видѣлъ, сидѣлъ возлѣ. — Спѣшу тебѣ сказать . . . . Чтобъ почта не ушла, я говорилъ съ нею. — И Богъ знаетъ, отъ чего ничего сказать я не успѣлъ, вспомнилъ обо всемъ, какъ съ нею разстался. — Мой другъ! Ангелъ она небесный! — Я говорилъ съ нею . . . Она почти здорова. — Не успѣю, прости. — Забылъ, что сего дня почта, сердце изъ меня какъ будто вылетѣть хочетъ . . . . Людей моихъ дома нѣтъ, самъ побѣгу съ письмомъ.

N° 39.

Марта 2го.

Пріѣзжай мой другъ сердечный, посмотри на меня, какъ я щастливъ! — Посмотри, что такое щастливое твореніе на землѣ! — Пусть безцѣнная душа твоя исполнится удовольствіемъ, отъ единаго благодѣянія истекающимъ!

Третьяго дня сказала Графиня своему дядѣ, что я ей человѣкъ давно знакомый. — Она благодарила его за доброе ко мнѣ расположеніе и просила позволенія меня ему представить. — Она успѣла высказать, какихъ я великихъ дарованій человѣкъ, какъ я уменъ, какъ я знающъ, словомъ, какое я чудо изъ чудесъ!

Надобно тебѣ знать, что старикъ дядя ея человѣкъ очень умный и вообще съ сердцемъ человѣческимъ знакомъ. — Въ той похвалѣ, какую Графиня обо мнѣ дѣлала, въ словахъ ея, въ лицѣ онъ нѣчто открылъ. — Взглянувъ на Графиню усмѣхнулся, и съ хитрымъ видомъ ей сказалъ: „*гора съ горой не сойдется, а человѣкъ съ человѣкомъ другое дѣло! Ну — чему быть, тому не миновать.* —

Такъ ли мой больной человѣкъ ?,, . . . Графиня крѣпко поцѣловала у него руку.

Марта 3го.

Сегодня я пріѣхалъ къ Графинѣ. — Нашелъ тутъ одного дядю съ нею. — Она ему меня представила. Старикъ обратился ко мнѣ съ такою вѣжливостію! съ такимъ въ глазахъ краснорѣчіемъ!—онъ въ нѣсколькихъ словахъ сказалъ мнѣ такъ много, что я взглянувъ на Графиню, и увидѣвъ въ ней туже мысль, то-же рѣшительное чувство, бросился къ нему на колѣни и руку его прижалъ къ моей груди! — Съ другой стороны Графиня послѣдовала моему движенію; старикъ оцѣпенѣлъ. — Друзья мои сказалъ онъ: я васъ совершенно понимаю. — Встаньте и сядьте подлѣ меня, какъ подлѣ вашего истиннаго друга. — Богъ расположилъ вами, вы независимы, откровенность вашу принимаю я опытомъ дружескаго расположенія. — Надобно ли вамъ какое пособіе? — Какая услуга? Я готовъ. Надобно ли, чтобъ этого обстоятельства никто еще не зналъ? — Я буду молчать. Хотите ли, чтобъ я обвѣстилъ васъ какъ жениха съ невѣстою? Я тотчасъ это сдѣлаю.

Племянница меня знаетъ давно, и меня любитъ. А ты молодой человѣкъ сталъ мнѣ и близокъ, и дорогъ. Позвольте мнѣ старику откровенно сказать вамъ слова два три. — Не поскучайте мною друзья мои: когда наша братья старики кого любятъ, то намъ всегда кажется, что при значущемъ случаѣ, надобно поученіе тѣмъ, кто сбирается жить въ свѣтѣ. — Это естественно! — Проживъ долгое время многому научили насъ опыты, а кого любишь, тому хочется передать ихъ уроки заранѣе, потому что встрѣча съ самими учителями стóитъ иногда самой жизни!

Вы безъ дальнихъ мірскихъ разчетовъ послѣдовали сердечнымъ вашимъ внушеніямъ, и дѣло сдѣлали. — Есть пословица: *сердце человѣка и крушитъ и лелѣетъ.* Въ настоящемъ вашемъ положеніи благополучіе несомнѣнно. — Вы другъ друга любите, вамъ и жить вмѣстѣ. — Дѣло теперь въ томъ, чтобъ на всю жизнь остаться любовниками. Вамъ можетъ быть рѣчь моя стара покажется, да правда никогда не старѣетъ. — Что бы не расколодить, не упрашить настоящаго ваше-

го благополучія, надобно непремѣнно оставаться тѣмъ, чѣмъ вы нынѣ, и путь нѣтъ никакого посредства. Какіе же есть на это способы? Есть друзья мои извѣстные, и весьма простые; только они забыты; а гдѣ не забыты, тамъ мало имъ слѣдуютъ. — Нынѣ думаютъ на примѣръ: что мужу съ женою непристойно сидѣть другъ возлѣ друга; ѣздить въ одномъ экипажѣ; у жены должно быть знакомство одно, у мужа другое; у жены одна половина въ домѣ, у мужа другая, и проч. Изъ этаго что выходитъ? Отъ раздѣльной жизни, непримѣтно раздѣлятся впечатлѣнія, чувства, сужденія, удовольствія; непримѣтно каждый будетъ чувствовать, разсуждать не вмѣстѣ уже съ своимъ товарищемъ, а особо. — Отвыкнетъ человѣкъ говорить другому, что у него на сердцѣ? — Онъ непримѣтно отъ него удалится, по тому что не будетъ чувствовать надобности быть съ нимъ. — И наконецъ, одинъ будучи по наружности другому близокъ, въ самомъ дѣлѣ сдѣлается ему чужой. — Вы мои друзья живите иначе, и вы по времени узнаете, что я говорилъ истинну. Не таите совершенно ничего другъ отъ друга, ни по нѣжности, ни по пристойности, ни по

нуждѣ, и горе, и радость въ жизни должны вы чувствовать вмѣстѣ. — Дѣлите всіо между собою, дѣлите каждое впечатлѣніе, каждое чувство, каждую мысль. — Такимъ только образомъ одному будетъ скучно жить безъ другаго; а обоимъ будетъ такъ весело, какъ только можетъ быть весело на землѣ. Ахъ друзья мои! лучше подъ громомъ, въ нищетѣ и нуждѣ быть съ другомъ, нежели въ солнечныхъ лучахъ, въ богатствѣ, и знатности, быть одному:

Вотъ всіо, что я хотѣлъ сказать вамъ. Оно коротко и ясно. — Отецъ Графини, братъ мой былъ мнѣ другъ совершенный. — Я не могъ вамъ не сказать то о, что бы при такомъ случаѣ покойный сказалъ вамъ самъ.

Тутъ старикъ всталъ, поцѣловалъ насъ обоихъ, и повелъ къ себѣ.

И такъ поздравь меня, я женихъ! — Я женихъ Графини! — Пріѣзжай мой сердечный! — Тебя одного нѣтъ съ нами.

№ 40.

Марта 15го.

Я не зналъ какъ мнѣ въ первый разъ принять въ домъ того Ангела, который меня оживилъ и жизнь мою украсилъ. — Принять и угостить щастье есть въ самомъ дѣлѣ не шутка. Случай такой могъ бы озаботить первѣйшіе умы въ свѣтѣ! — Суди же какъ я былъ безпокоенъ! — Тутъ однако часто, и почти всегда, сердце краснорѣчивѣе ума. — Я положилъ слѣпо ему повиноваться, и думалъ, что всякую неудачу заменитъ усердіе.

Наконецъ я рѣшился, и сказалъ Графинѣ, что я зову съ нею, и родныхъ нашихъ и знакомыхъ, и дѣлаю баликъ, на которомъ можно быть и въ маскерадномъ платьѣ. — Насталъ назначенной вечеръ:

Какъ къ труднику Богъ свѣта сходитъ,
И въ низку хижину съ собой,
Въ лучахъ небесныхъ радость вводитъ,
Такъ домъ весь освѣтился мой!
Висящи бронзы, и кристали
Огнистымъ свѣтомъ оживляли
Цвѣточны вязи по стѣнамъ!
Съ златыхъ курильницъ по мѣстамъ,

Носились облака прозрачны!
Возшли незапно въ окна мрачны
Сквозные виды лѣтнихъ дней! —
Тамъ Этна громомъ окруженна
Стоитъ средь огненныхъ зыбей!
Кидаетъ горы въ дымъ сгущенный,
Кипучи камни льетъ рѣкой! —
Тамъ солнечный восходъ весенній! —
Тамъ виды пристани морской! —
Въ сторонней комнатѣ одной
Раскинулся лѣсокъ шумливой!
Тутъ лунна ночь! — ручей игривой!
И пышный бархатный диванъ!
Въ дали чуть слышится органъ! —

Въ другихъ, какъ Солнца засвѣтились!
Меандры огненны крутились
У живописныхъ потолковъ!
По мыслямъ роскоши всевластной
Раскинулись тафта и штофъ,
Въ которыхъ съ хитростью прекрасной
Межъ стрѣлъ покоилась любовь!
Прозрачны кисеи и шали,
Восточной нѣги грозной щитъ!
Туманомъ легкимъ покрывали
Убранствъ различныхъ стройный видъ! —
Въ горѣ кристальной, искрометной
Источникъ крылся непримѣтно,
Гдѣ щастье жажду утолитъ!
Проворна челядь золотиста,
Внимательно стоитъ въ дверяхъ;
Толпами хоры голосисты
Приказы ловятъ на глазахъ!

На праздникъ щастью посвященный
Вмѣстился въ домъ мой цѣлый міръ!
Края природой отдаленны
Какъ будто сблизились на пиръ!

Арапы и Мунгалы,
Сыны пылающихъ степей,
Изображали Царство южныхъ дней.

Лапландцы, Камчадалы
Сердитый сѣверъ представляли!
Лѣсъ пальмовой казался въ сторонѣ;
Тамъ Солнца храмъ на вышинѣ
Изображалъ востокъ веселый! —
Близь храма, на горѣ сидѣли
Въ различныхъ перьяхъ и цвѣтахъ,
Златой Перувіи народы! —
Въ краю противномъ, видъ природы
При погасающихъ лучахъ,
Представилъ западъ на волнахъ!

Такъ былъ расположенъ праздникъ до пріѣзда сердечнаго моего гостя. Хозяина видно не было, да и не было въ немъ нужды. — Мнѣ всегда казалось, что встрѣтить и принять щастье къ смертному въ домъ, есть прямое дѣло любви, — такъ и расположено было.

Лишь только пріѣхала Графиня, *Любовь* выбѣжала къ ней на встрѣчу, припала предъ ней на колѣни.—Графиня удивилась.—Любовь сказала: *не бойся! это я.* — Взяла ее за руку и повела въ домъ.

Вошли: музыка и хоры загремѣли. Любовь, показывая подвластныя ей края свѣта, ввела ее въ обширную залу, гдѣ не было ни какой роскоши, и гдѣ множество людей различнаго

рода, цвѣта и возраста, бесѣдовали, и прохаживались. Тутъ слышны были хоры особыя. — Лишь только Графиня спросила, что такое поютъ; Любовь поднесла ей слѣдующіе стихи:

Здѣсь сельскія картины
Прекрасны простотой,
И самыя пустыни
Одѣты красотой!
Здѣсь нищій и богатый,
И царь и рабъ ровны!
Здѣсь тигры полосаты
Къ стадамъ пріучены.
Къ одной рѣкѣ журчащей
Пить идутъ конь со львомъ!
Орелъ въ лучахъ парящій
Изъ лапъ не мечетъ громъ!
Здѣсь сѣверъ съ солнцемъ помирился,
Востокъ здѣсь съ западомъ живутъ!
Не здѣсь ли вѣкъ златой родился?
Любовь не царствуетъ ли тутъ? —

Въ залѣ сдѣлано было возвышеніе, убранное цвѣтами въ видѣ амфитеатра. — Оно прикасалось къ двумъ деревьямъ отъ одного корня растущимъ! — На деревьяхъ видна была надпись: *Любовь здѣсь щастіе вѣнчаетъ.* — Коль скоро Графиня по слѣдамъ любви на возвышеніе вступила, Любовь съ дерева возложила на нее миртовой вѣнокъ. — Тутъ обстали всѣ вокругъ амфитеатра, хоры съ му-

зыкою продолжались. Увѣнчанное щастіе безпрестанно меня искало, безпрестанно обо мнѣ спрашивало, наконецъ новое явленіе обратило ея вниманіе:

Въ свѣтлой залѣ сей просторной,
Вдругъ изъ двери боковой,
Входитъ страшный Левъ покорно! —
Мальчикъ смѣлый, боевой,
Безъ сѣдла на немъ спѣсиво
Ѣхалъ бариномъ верьхомъ;
Ленточкой одной игриво
Правилъ онъ звѣрей царіемъ!
Грива львиная златая
До земли вилась въ волнахъ;
Страсть видна была живая
Въ взорахъ, гдѣ сверкалъ лишь страхъ!
Вершникъ витяземъ одѣтый
Скрылъ младенческія лѣты
Въ оперенный пестрый шлемъ!
Ратный мечъ въ ножнахъ цвѣточныхъ
Чрезъ плечо висѣлъ на немъ!
Панцырь во звѣздахъ полночныхъ
Солнечнымъ свѣтился днемъ!
Кудри черныя крутились
Вкругъ прекрасной головы;
Щеки пышныя гордились,
Что цвѣли въ огнѣ Любви!
Тихій свѣтъ зари веселой
Разливался на устахъ! —
Въ сайдакѣ свѣтились стрѣлы!
Рѣзвость крылася въ глазахъ.
Осанистъ звѣрь, косматый, грозный,
Лишь только вкругъ людей шагнулъ,
Съ него, какъ вихрь молніеносный,
Удалый рыцарь въ мигъ спорхнулъ.
Махнулъ!

И величавый призракъ львиный
Изчезъ какъ дымъ, какъ паутина!
Явилась колыбель!
Изъ ней крылата Дѣвушка прекрасна,
Гражданка всѣхъ подсолнечныхъ земель,
Которую досель
Судьбою всѣ зовутъ всевластной,
Одѣтая жемчужнымъ облачкомъ
Вспрянула вѣтеркомъ!
Такъ бабочка въ дни лѣтни, ясны,
Проснувшись въ теремѣ златомъ
Подъ розовымъ кустомъ
На крылышкахъ своихъ блестящихъ
Невинну радость юныхъ лѣтъ,
Къ царицѣ всѣхъ цвѣтовъ несетъ. —
Вспрянула красота, на диво предстоящихъ.
Тутъ рыцарь на ухо шепнулъ ей свой приказъ.
Красавица тотчасъ
Разсыпавъ быстры взоры
На всѣ нарядные узоры
Сидящихъ вкругъ людей,
Узрѣла миртовой вѣнокъ на ней!
Судьба почтительно тутъ къ гостьѣ приступила
И на колѣно ставъ, при всѣхъ ей подарила
Щастливый жребій брачныхъ дней!

Тутъ и я опкуда ни взялся, поздравилъ Графиню! — Почтенный дядя ея подошелъ къ намъ обоимъ, племянницу взялъ за руку, а меня обнявъ дружески, примолвилъ: ты правъ, другъ мой, *одна сила любви щастливую судьбу производитъ.* — И сложа наши руки, *Богъ съ вами*, сказалъ: *будьте благополучны!* — Графиня какъ очарованная бросилась ко мнѣ, слезы радости ея наполнили душу мою восторгомъ.

Волшебство миновалось. — Начался обыкновенной балъ. — Милая и прекрасная невѣста моя требовала, чтобъ я нашему празднику сдѣлалъ описаніе и къ тебѣ его отправилъ. — Я исполняю ея приказаніе; а отъ себя нѣсколько словъ тебѣ примолвлю и такихъ, которыя ты не разъ уже отъ меня слышалъ, другъ мой! истинны наслышаться не льзя. И такъ я тебѣ повторяю и во всю жизнь мою повторять буду, что: *любить есть высочайшее благо на землѣ.*

Великое щастіе человѣку, какъ Богъ пошлетъ ему въ пути жизни другаго человѣка по сердцу!

Раздѣленное горе слабѣетъ, радость раздѣленная умножается.

Конецъ.

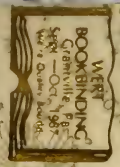
Опечатки.

Стран.	*Строк.*	*напечатано.*	*читай.*
27	22	бездны, водЪ	бездны водЪ,
95	7	вежливостію	вѢжливостію
—	12	напротивЪ того-онЪ	напротивЪ того онЪ
101	3	Выростетъ на люд-ной дорогѢ, тогда	Выростетъ на люд-ной дорогѢ ? — Тогда
120	15	неприкосновенно какая холодность	неприкосновенно,— Какая холодность
124	3	не нолучилЪ	не получилЪ
127	16	добрыека кЪ	добрые какЪ
133	8	буду я;—здѢсь	буду;— я здѢсь

W24

Deacidified using the Bookkeeper proces
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologie
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATIO
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111


WERT
BOOKBINDING
Greenville, Pa.